

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1982

5

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

5

1982

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛФНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук Қ. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИҚМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор И. А. Маркман
Технический редактор Л. П. Тюрина

Сдано в набор 6. 05. 82. Подписано к печати 20. 05. 82. Р14375. Формат 70×108/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,9. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1579. Заказ 101. Цена 65.

Издательство «Фан» УзССР. Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1982 г.

К 60-летию образования СССР

А. Г. БАТЫГИН

**РАСЦВЕТ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА
В ЕДИНОМ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ СССР**

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается, что «шестидесятилетие СССР — знаменательное событие в жизни советского народа, свидетельство торжества ленинской национальной политики КПСС, исторических достижений социализма»¹. Создание СССР явилось прямым продолжением дела Великого Октября, открывшего новую эру в истории человечества, практическим воплощением идеи В. И. Ленина о добровольном союзе свободных народов. Объединение советских республик в Союз ССР укрепило их экономику, обороноспособность, открыло невиданные возможности их экономического и социального прогресса.

В. И. Ленин указывал, что только с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития. Следуя ленинским заветам, все союзные республики, все нации и народности страны в дружной, сплоченной семье осуществили глубочайшие социально-экономические преобразования, достигли огромных успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры, в повышении жизненного уровня населения.

Совместные усилия, самоотверженный труд всех народов дали чудесные плоды. Давно ушло в прошлое обычное для дореволюционной России понятие — отсталая окраина. Благодаря самоотверженному труду трудящихся всех республик в нашей стране построено развитое социалистическое общество. Объединяя свои экономические возможности и ресурсы, укрепляя завещанный Лениным союз, народы нашей страны под руководством Коммунистической партии из года в год увеличивают свой вклад в создание материально-технической базы коммунизма.

«Мы вправе гордиться тем, — говорится в постановлении ЦК КПСС о 60-летии образования СССР, — что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обреченные прежде на вековую отсталость, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минуя капитализм, и достигли высот социального прогресса»².

В братской семье союзных республик огромных успехов в социально-экономическом развитии добился и Советский Узбекистан.

Достаточно беглого взгляда на экономико-географическую карту Узбекской ССР и карту дореволюционного Узбекистана, чтобы увидеть резкий контраст между ними. Здесь, как в зеркале, отразились величие коренных политических, экономических и социальных преобразований в Узбекистане, неоспоримые преимущества социалистиче-

¹ «Правда», 1982 г., 21 февраля.

² Там же.

ской системы хозяйства. Рациональное и планомерное размещение производительных сил и комплексное развитие республик и экономических районов в рамках единого народнохозяйственного комплекса явились главным достижением плановой экономики социализма, одним из выдающихся итогов советских пятилеток.

Социалистическое размещение производительных сил имело огромное значение для решения национального вопроса, устранения унаследованного от прошлого фактического неравенства в экономическом и культурном развитии Узбекистана и других среднеазиатских республик. До Октябрьской революции Узбекистан был, по определению В. И. Ленина, «колонией чистейшего типа» с крайне низким уровнем экономического развития. На отрасли, занятые первичной переработкой сельскохозяйственного сырья (хлопкоочистительная и маслобойная), в 1913 г. приходилось свыше 86% всей продукции, а на отрасли тяжелой промышленности — всего 2%. Остальная часть продукции (около 12%) приходилась на пищевую (без маслобойной), кожевенную и другие отрасли.

Узбекистан был производителем хлопка и шелковичных коконов, но не имел ни одной хлопчатобумажной и шелкообрабатывающей фабрики. Фабрично-заводская промышленность носила полукустарный характер.

Коммунистическая партия, решая проблему коренной перестройки экономики нашей страны, не только намечала общие высокие темпы роста народного хозяйства в целом, но придавала особое значение развитию ранее отсталых национальных районов. Этому в полной мере отвечал ленинский курс на «рациональное размещение промышленности... с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта»³.

Планомерное размещение промышленности во всех республиках и экономических районах обеспечило успех социалистической индустриализации и освоение богатейших природных ресурсов Средней Азии, в том числе Узбекистана. Одновременно с техническим перевооружением старых предприятий создавались крупные предприятия машиностроения, химии, металлургии, топливной, текстильной и других отраслей. Они стали основой социалистической экономики республики.

Уже в период довоенных пятилеток в Узбекистане с братской помощью Центра, всех народов страны были созданы Гашкентский завод сельскохозяйственного машиностроения, Ташкентский текстильный комбинат, Чирчикский электрохимкомбинат, Ангренский угольный бассейн и другие крупные промышленные объекты.

В годы Великой Отечественной войны Узбекистан стал одним из важнейших арсеналов страны. Всего за 1941—1945 гг. в Узбекистане вступило в строй 280 промышленных предприятий. В кратчайшие сроки были размещены и введены в действие более 90 эвакуированных предприятий. Еще более широкий размах получило индустриальное развитие республики в послевоенный период.

Ныне Узбекистан — это процветающая социалистическая республика, край мощной многоотраслевой индустрии. Бурное развитие получила промышленность, насчитывающая свыше ста отраслей; в их числе — отрасли, определяющие научно-технический прогресс, — энергетическая, машиностроительная, химическая, газовая, нефтяная, угольная, золотодобывающая, цветная металлургия, самолетостроительная, электронная и др. Сейчас 1500 предприятий Узбекистана за 19 дней выпускают столько промышленной продукции, сколько производилось ее за весь 1937 г. Промышленные изделия нашей республики

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

поступают во все экономические районы Союза и экспортируются в 70 стран мира.

На долю промышленности сегодня приходится свыше половины всего валового общественного продукта УзССР.

Индустрия республики, досрочно выполнив план десятой пятилетки, дополнительно реализовала продукции более чем на 1,5 млрд. руб., объем производства за пятилетку возрос на 27,4%. Следует отметить при этом, что весомость одного процента прироста ныне на 42 млн. руб. выше, чем в девятой пятилетке. Теперь промышленность республики выпускает за год продукции больше, чем за всю пятую пятилетку. Сейчас экономика Узбекистана, как и всей страны, находится на качественно новом уровне, присущем зрелому социализму, она является взаимоувязанным народнохозяйственным комплексом. Плановое, сбалансированное его развитие позволяет в невиданных ранее масштабах подтягивать отстающие районы и развивать новые, особенно на землях нового орошения и территориях, обладающих богатыми минерально-сырьевыми ресурсами, как Ангрен-Алмалыкский горнопромышленный район, Бухара-Навоийский и др.

Вручая республике третий орден Ленина, Л. И. Брежнев подчеркнул: «Весьма значителен вклад сегодняшнего Узбекистана в экономическую и культурную жизнь всей нашей огромной страны»⁴. А в ходе беседы в ЦК КПУз Л. И. Брежнев с удовлетворением отметил, что промышленность УзССР «работает устойчиво, обеспечивает плановые задания»⁵.

Решения XXVI съезда КПСС открыли перед индустрией, всей экономикой Узбекистана еще более широкие перспективы.

В одиннадцатой пятилетке предусмотрено объем промышленной продукции в целом по СССР увеличить на 26—28%, а в Узбекистане — на 28—31%. А что значит прирост на 1% годовой промышленной продукции в одиннадцатой пятилетке? Это — 180 млн. руб. В девятой пятилетке этот показатель был равен 100 млн., в десятой — почти 150 млн. руб. Так стремительно развивается индустрия социалистического Узбекистана.

Интенсивный рост производительных сил самым непосредственным образом связан с капитальным строительством. Из года в год растет объем капитальных вложений в республике: в девятой пятилетке — 18,5 млрд. руб., в десятой — почти 25 млрд. руб., а в одиннадцатой предстоит освоить 28,1 млрд. руб. За три последние пятилетки масштабы капитального строительства превысили объем его за все предыдущие пятьдесят лет.

В речи при вручении республике третьего ордена Ленина Л. И. Брежнев особо отметил успехи в развитии хлопководства.

Узбекистан — основная хлопковая база Советского Союза, причем производство хлопка, этой важнейшей для народного хозяйства культуры, неуклонно возрастает: в девятой пятилетке произведено 24,5 млн. т хлопка, в десятой пятилетке прирост составил 4 млн. т, а в одиннадцатой пятилетке производство хлопка намечено довести до 30 млн. т. Для сравнения можно сказать, что в дореволюционном Узбекистане (1913 г.) закупки хлопка-сырца составили всего 517,2 тыс. т при урожайности 12,2 ц/га. Сейчас урожайность хлопчатника достигает (1980 г.) 33,2 ц/га. Уже два года республика дает стране более чем по 6 млн. т хлопка, в том числе свыше 350 тыс. т наиболее ценных, тонковолокнистых сортов. При этом следует отметить, что 60% хлопка с полей собирается машинами.

Быстро развиваются и другие отрасли сельского хозяйства. В одиннадцатой пятилетке намечено произвести 2,8—3 млн. т зерна, 2,4—2,5 млн. т овощей, 400—410 тыс. т мяса (в убойном весе), 2,5—2,7 млн. т молока, 1,8 млрд. шт. яиц, 50 тыс. т рыбы, 20—21 тыс. т

⁴ «Правда Востока», 1982 г., 25 марта.

⁵ «Экономическая газета», апрель 1982 г., № 14, с. 5.

шерсти, большое количество продукции виноградарства, бахчеводства и плодоводства.

В текущей пятилетке решено ввести в эксплуатацию 450—465 тыс. га новых орошаемых земель, обводнить 1,5 млн. га пастбищ. Как известно, В. И. Ленин относил к первоочередным задачам Советской власти в Средней Азии развитие орошения, которое «пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». Это предвидение Ильича полностью оправдалось.

По воле партии осуществлена широкая программа мелиорации и ирригации земель, обеспечившая дальнейшее развитие и укрепление отечественной базы хлопководства, неуклонный подъем всех отраслей сельского хозяйства. Поистине сказочные перемены происходят в Голодной, Джизакской, Каршинской, Сурхан-Шерабадской степях, Ферганской долине, на целинных массивах Каракалпакии. Опыт комплексного освоения Голодной степи сегодня широко применяется не только в нашей стране, он взят на вооружение и в зарубежных государствах. Сейчас в республике имеется 14 крупных водохранилищ, действуют более 900 оросительных систем. На землях нового орошения создаются совхозы, колхозы, промышленные предприятия, вырастают города и рабочие поселки городского типа, идет процесс стирания граней между городом и деревней, труд труженика сельского хозяйства превращается в разнообразность индустриального труда.

Все это отвечает решению XXVI съезда КПСС, принятым им «Основным направлениям экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», где записано: «Осуществлять комплексное развитие хозяйства союзных республик и экономических районов, улучшать их специализацию в системе общественного разделения труда... Предусмотреть дальнейшее развитие и формирование территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, особенно во вновь осваиваемых районах».

В Узбекистане также уделяется большое внимание повышению эффективности существующих и формированию новых промышленных узлов и территориально-производственных комплексов (ТПК) как наиболее рациональной формы размещения и организации общественного производства. Ныне в республике существуют и вновь складываются 10 промышленных районов и 44 промышленных узла, 6 промышленных узлов намечены к формированию.

Интенсивный процесс формирования аграрно-промышленных комплексов идет на вновь осваиваемых землях, особенно в Джизакской и Каршинской степях.

Все более расширяется сфера применения методов комплексного размещения производительных сил с учетом местных территориальных особенностей.

Большое значение партия придает широкому использованию целевых комплексных научно-технических программ как органических составных частей государственных перспективных планов экономического и социального развития, повышению их обоснованности, направленности на конечные результаты и решению конкретных научно-технических и социальных проблем.

Научные основы к составлению комплексных целевых программ по основным проблемам освоения новых земель по Кашкадарьинской и Джизакской областям, низовьям Амударьи (Каракалпакская АССР и Хорезмская область) разработаны СОПСом АН УзССР и Научно-исследовательским экономическим институтом Госплана УзССР.

Важное значение имеет расширение исследовательских работ по выявлению новых запасов полезных ископаемых, вовлечению их в хозяйственный оборот и рациональному, комплексному использованию.

В связи с ожидаемым в республике простом населения необходимо разработать научно обоснованные предложения по размещению производительных сил, обеспечивающие оптимальное использование

трудоспособного населения, особенно сельского, развитие производительных сил в малых городах и населенных пунктах.

Первостепенную важность имеют исследования, связанные с дальнейшим повышением эффективности и интенсификацией хлопководства. Особого внимания требует разработка проекта Комплексной программы научно-технического прогресса в региональных условиях.

Жизненно важное значение для Узбекистана, как и всей Средней Азии, имеет проблема обеспечения водными ресурсами, которые уже в ближайшей перспективе могут ограничивать дальнейшее освоение целинных земель. В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» намечено «продолжить научные и проектные проработки по переброске части вод сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан». Потребность в воде с каждым годом возрастает. И это естественно. На 1 т выращенного хлопка-сырца расходуется 6 тыс. м³ воды. Валовой сбор хлопка по сравнению с дореволюционным периодом возрос в 12 раз, а источники воды в Узбекистане, как и во всей Средней Азии, остались те же.

XXVI съезд КПСС поставил перед республикой важнейшие задачи по дальнейшему освоению Каршинской и Джизакской степей; кроме того, предстоит освоить новые миллионы гектаров целины в низовьях Амударьи, Каракалпакки, Сурхан-Шерабадской степи и др., которые при орошении способны дать быстрый эффект, ощутимый для всей страны. Меры, принимаемые учеными и практиками по экономному расходованию воды (борьба с ее потерями, повышение к. п. д., реконструкция сети, переход на новую технику и способы полива и др.), не могут решить всю проблему водообеспеченности в долгосрочной перспективе. Для этого необходима переброска части стока сибирских рек в Среднюю Азию, что позволит решить и проблему повышения уровня Аральского моря, который за последние годы резко снизился. Над этими вопросами ныне работают многие научно-исследовательские и проектные организации.

Весьма ответственные задачи поставлены перед республикой Л. И. Брежневым в речи при вручении Узбекистану третьего ордена Ленина и на беседе в ЦК КПУз. На состоявшемся 26 апреля 1982 г. V пленуме ЦК КПУз подчеркивалось, что эти выступления Л. И. Брежнева восприняты партийной организацией, всеми трудящимися республики как боевая программа работы. Задачи, вытекающие из указаний Л. И. Брежнева, пути их решения глубоко раскрыл в докладе на пленуме кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов.

В решении этих задач самое активное участие призваны принять ученые нашей республики. Об этом, в частности, подробно говорилось на состоявшемся 29 апреля 1982 г. годовичном общем собрании АН УзССР.

Нет сомнения в том, что задачи, поставленные партией, будут выполнены, и это обеспечит дальнейший подъем экономики и культуры Советского Узбекистана, рост благосостояния тружеников города и села, умножение вклада нашей республики в общее дело строительства коммунизма.

К 70-летию газеты „Правда“

А. И. АКБАРОВ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ «ПРАВДА» О ТУРКЕСТАНЕ

Исполнилось 70 лет газете «Правда». За всю историю мировой печати ни одна газета не пользовалась такой популярностью и таким безграничным доверием читателей, как орган Центрального Комитета КПСС, газета, созданная великим Лениным и его верными соратниками.

22 апреля (5 мая) 1912 г. 60-тысячным тиражом вышел первый номер большевистской «Правды». Ныне мы отмечаем эту славную дату как День печати. Создание «Правды» было подготовлено революционной борьбой ленинской партии, опытом многих ее печатных органов, начиная с «Искры». «Правда» появилась в обстановке мощного революционного подъема в России. Страна шла навстречу второй революции. В. И. Ленин придавал огромное значение выпуску ежедневной массовой рабочей политической газеты. В статье «Итоги полугодовой работы» (1912 г.) он писал: «Поставив ежедневную рабочую газету, петербургские рабочие совершили крупное, — без преувеличения можно сказать, историческое дело... создание «Правды» остается выдающимся доказательством сознательности, энергии и сплоченности русских рабочих»¹.

«Правда» быстро завоевала горячую любовь и поддержку рабочих и широких масс трудящихся. Росли добровольные взносы на газету. Редакция получала от рабочих сотни и тысячи писем.

С волнением читаешь передовую статью первого номера «Правды». В ней сформулированы основные задачи газеты, ее программа, которую «Правда» с подлинно большевистской последовательностью осуществляет вот уже семь десятилетий.

«Рабочему классу нужно знать правду.

Рабочая газета «Правда» должна отвечать своему названию; этим она выполнит свое назначение... Мы сами найдем свою правду! Будем же, читатель, искать ее с тобою, идя рука об руку, от случая к случаю, от факта к факту».

И весь путь «Правды» пройден ею рука об руку с рабочими и крестьянами, сокрушившими твердыню самодержавия и вдохновенно создающими самое прекрасное общество на земле.

С первых дней своего существования «Правда» неуклонно шла революционным курсом, проложенным великим Лениным. Ленин руководил всей работой «Правды», вдохновлял и направлял ее, был в курсе всех подробностей редакционно-издательского дела. Со страниц газеты он почти ежедневно обращался к многотысячной рабочей аудитории. За 1912—1914 гг. в «Правде» было опубликовано около 290 статей и заметок В. И. Ленина.

Страницы «Правды» — это страстная летопись героической жизни и борьбы партии и народа. Огромное внимание уделяла она пропаганде ленинских принципов решения национального вопроса, положению

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 427.

народов национальных районов страны, в том числе Средней Азии, развертыванию национально-освободительного, революционного движения в крае.

Уже в первых номерах «Правды» социал-демократы Туркестана нашли ответы на самые злободневные вопросы. Публиковавшиеся на страницах газеты работы В. И. Ленина по различным проблемам революционного движения и партийного строительства стали для большевиков края программой и руководством к действию. Благодаря «Правде» читатели Туркестана познакомились с такими работами В. И. Ленина, как «Исторические судьбы учения Карла Маркса» и «Марксизм и реформизм», циклом выступлений против ликвидаторов под общим заголовком «Спорные вопросы», со статьями о деятельности и задачах рабочей печати.

Особое место «Правда» уделяла освещению жизни окраинных районов страны, в том числе Туркестана. Уже 27 апреля 1912 г. редакция обратилась к рабочим корреспондентам с призывом полнее освещать жизнь провинции, «писать не только о жизни заводов и фабрик, но и всяких других явлениях современной жизни».

Первые отклики на обращение газеты поступили из Туркестана в том же апреле 1912 г. Их авторами были рабочие Асхабада и Ташкента.

«Правда» стала подлинной трибуной рабочего класса Туркестана, с которой она гневно обличала колониально-полицейские порядки, рассказывала о безрадостном существовании рабочих и дехкан, задавленных двойным гнетом, призывала к развертыванию массовой освободительной, революционной борьбы.

Материалы о жизни народов края регулярно появлялись в «Правде». Во втором номере за 24 апреля 1912 г. газета сообщила, что в политическом и административном центре Туркестана — Ташкенте число безработных достигло нескольких тысяч человек. Безработица охватила и другие районы Туркестана. Заметка, опубликованная в отделе «Экономическая жизнь», раскрывала трагическое положение трудящихся царской колонии, где жизнь рабочих была тяжелее, чем в Центре, условия труда еще хуже. На предприятиях не соблюдалась элементарная техника безопасности, росло количество несчастных случаев на производстве. Об одном из них сообщила «Правда» 27 и 28 апреля 1912 г. в корреспонденциях из Асхабада — в результате пожара на нефтепромысле острова Челекен три человека сгорели, двое получили сильные ожоги. О взрыве в Нарымском почтовом отделении г. Верного газета писала в первом номере. Публиковались и другие материалы о жизни Туркестана.

Летом 1912 г. по всей стране разнеслась весть о героическом вооруженном выступлении туркестанских саперов. В. И. Ленин, обративший особое внимание на это восстание, отметил, что в русской прессе появились «скудные и явно неполные, явно изуродованные и преуменьшенные полицейской сведения»².

Саперы восстали в ночь с 1 на 2 июля 1912 г., а уже 30 июля в нелегальной большевистской «Рабочей газете», издававшейся в Париже, была напечатана статья В. И. Ленина «Восстания в армии и во флоте». В ней давался марксистский анализ революционным событиям в России. «...1-го июля в селе Троицком, под Ташкентом, — писал В. И. Ленин, — была произведена попытка восстания саперами... было сражение с восставшими. Стрелки и казаки разбили восставших саперов... Арестовано до 380 саперов...

Что же означают эти факты?

Они дают полное подтверждение тому, что было указано в решениях январской Всероссийской конференции РСДРП 1912 года...

В России начался революционный подъем»³.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 2.

³ Там же.

Первое сообщение о восстании саперов было перепечатано в «Правде» 11 июля из «Туркестанских ведомостей». Под корреспонденцией была помещена телеграмма, которая, очевидно, появилась из-за недосмотра цензуры: «Дополнительно сообщают: шт.-кап. Похвиснев погиб ужасной смертью, был поднят на штыки. Насчитывается много дезертиров. Телеграмма, передающая газетам это сообщение, не была пропущена».

Царское самодержавие жестоко расправилось с восставшими. Суд над саперами проходил с 31 июля по 9 августа. 1 августа «Правда» поместила сообщение своих корреспондентов: «Ташкент. Началось слушание дела о беспорядках в саперном лагере. Обвиняемых 228 человек. Защищают 10 строевых офицеров». О какой защите могла идти речь, если из 10 «защитников» лишь двое имели некое представление о юриспруденции!

В сообщениях газеты о судебном процессе иногда проскальзывали фразы, раскрывающие характер и цели восстания саперов. Так, 8 августа «Правда» писала: «Заявление о нуждах прокурор считает слишком ничтожным, чтобы для этого нужно проливать столько крови. Эти требования бывали и при прежних бунтах, но до такой жестокости ни разу не доходило... Здесь сыграла роль уверенность в поддержке других частей и надежда захватить Ташкент, чтобы предъявить требования более серьезные».

Приговор по делу саперов был опубликован «Правдой» 10 августа, а 15 августа пролетариат России узнал через свою газету о казни 14 героев. Рядом с этим сообщением газета поместила заметку «Статистика смертных приговоров», где говорилось, что со 2 января по 1 августа 1912 г. в разных городах России, только по газетным сообщениям, военно-окружными и другими судами вынесено 109 смертных приговоров. Это свидетельствовало о том, что вооруженные выступления в стране приняли массовый характер.

Расправа с восставшими саперами не завершилась после первого суда над ними. Спустя некоторое время состоялся второй процесс: 7 солдат были приговорены к каторжным работам, а 6 — к отдаче в дисциплинарный батальон. Был привлечен к ответственности и ряд офицеров. «Генералом Малишевским, — сообщала «Правда», — 21 августа 1912 г. выступившим обвинителем по делу 228 сапер, представлено командующему войсками заключение о привлечении к ответственности за упущение по службе девяти офицеров: четырех по первому саперному батальону, пяти по второму. Назначено уже следствие... среди привлеченных командир первого батальона полковник Еранцев». 19 декабря газета писала, что «начался при открытых дверях процесс 10 саперных офицеров, обвиняемых в бездействии власти и уклонении от служебных обязанностей в видах самосохранения во время июльского саперного бунта».

Кровь саперов не пролилась даром. На жестокую расправу царизма трудящиеся ответили мощной волной протеста. «На улицах Петербурга, Риги, Москвы пролетариат протянул руку передовикам мужицкого войска, героически поднявшимся против монархии»⁴. Восстание саперов усилило брожение и в других частях Туркестанского военного округа. В августе «Правда» сообщала о крупном хищении оружия на Ташкентском артиллерийском складе, о продаже частным лицам в Самарканде нескольких тысяч боевых патронов.

Газета уделяла большое внимание связи с местными организациями. «Правду» получали в Среднеазиатских железнодорожных мастерских, рабочие-портные Ташкента (12 экз.), Ташкентская группа РСДРП во главе с Я. Я. Умпалом. По неполным данным, в 1913 г. ташкентские рабочие выписывали 50 экз. «Правды». Газету получали

⁴ Там же, с. 283.

также в Коканде, на ст. Федченко, в Кагане, в Казанджике, Кызыл-Арватских железнодорожных мастерских, Красноводске, Асхабаде, Чарджуе, Самарканде, Пишпеке (Фрунзе), на ст. Туркестан, в Перовске (Кзыл-Орда).

По далеко не полным данным, в 1912—1914 гг. в Туркестанском крае социал-демократы получали примерно 150 экз. газеты «Правда». А с января 1914 г. у «Правды» был 5501 подписчик в 1360 пунктах России⁵.

Социал-демократы не только выписывали, но и поддерживали свою газету материально. «Посылаем посильную лепту,— писали мастеровые металлисты Главных Ташкентских мастерских Среднеазиатской железной дороги,— 1 р. 50 к. на усиление средств газ. «Рабочая правда» и крепко верим, что и наши гроши принесут пользу в деле объединения рабочих через нашу уважаемую газету»⁶. В фонд газеты поступило из Ташкента от «своих» через Гр. Г-ко — 26 руб. 10 коп. (12 декабря 1913 г.), через Малиновского — 22 руб. (8 марта 1914 г.). Вот характерное письмо из Ташкента: «Рабочие и работницы в количестве 78 чел. приветствуют газ. «Путь правды» и посылают в ее фонд 22 руб.»⁷

Рабочие Туркестана пристально следили со страниц «Правды» за развитием революционного движения в России, перенимали опыт борьбы российского пролетариата. Газета была единственным легальным органом по разворачиванию стачечной борьбы. «Правда» широко освещала, например, забастовку нефтяников острова Челекен, руководимую правдистской группой во главе с И. Т. Фиолетовым (18 сентября 1913 г., 28 мая 1914 г.). В конце 1913 г., когда партия поставила перед рабочим классом России задачу подготовки Всероссийской политической стачки, ташкентские большевики отпечатали на гектографе 1000 экз. прокламации ЦК РСДРП(б) «О 9-м января», опубликованной целиком в № 32 газеты «Социал-демократ», и решили распространить ее накануне 9 января 1914 г. Однако «охранным отделением раскрыта местная с.-д. организация,— писала «Правда» 12 января 1914 г.— обнаружена квартира, в которой печатались прокламации с призывом к забастовке. Арестовано несколько рабочих и статистов городской управы». 15 марта 1914 г. газета сообщила о новых арестах и привлечении «к ответственности за принадлежность к с.-д. партии» заведующего отделением городской управы. За несколько дней до разгрома царскими властями редакции газеты «Правда» рабочий Главных Ташкентских мастерских Среднеазиатской железной дороги призывал туркестанских рабочих читать побольше газету «Трудовая правда»: «Вы в ней найдете всю правду о рабочем деле»⁸.

Ориентируя социал-демократические группы на местах, «Правда» указывала на важное значение возрождения и организации новых профессиональных союзов. В августе 1913 г. правдистская группа В. В. Сахарова создала профсоюз рабочих-портных Ташкента. Об этом они сообщили в «Правду» (19 сентября 1913 г.).

Социал-демократы Туркестана через свою газету внимательно следили за работой IV Государственной думы. Они поддерживали деятельность большевиков-депутатов, осуждали раскольнические действия меньшевистских депутатов — «семерку». Используя численное преимущество внутри социал-демократической фракции, последние пытались навязать большевикам свою оппортунистическую тактику, которую В. И. Ленин подверг резкой критике в опубликованной в «Правде» статье «Думская «семерка»⁹.

⁵ «Пролетарская правда», 1914 г., 3 января.

⁶ «Рабочая правда», 1913 г., 1 августа.

⁷ «Путь правды», 1914 г., 21 марта.

⁸ «Трудовая правда», 1914 г., 3 июля.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 84—85.

На призыв «Правды» «призвать к порядку семь с.-д. депутатов» откликнулись и социал-демократы Туркестана. В письме, опубликованном в «Правде» 8 ноября 1913 г., они заявили: «Ознакомившись со страниц «Новой рабочей газеты» и «За правду» с положением дел в думской фракции социал-демократии, ...мы присоединяем свои голоса к требованию о признании шести депутатов равными семи. Считаем отношение, до сих пор практиковавшееся семью депутатами по отношению к остальным шести депутатам, безусловно, недопустимым и строго порицаемым».

«Правда» внимательно относилась и к материалам о волнениях крестьян в Туркестане. Так, 29 июня 1912 г. газета сообщала о вооруженном столкновении дехкан с полицией. «Беспорядки» произошли в Каракольской волости Лепсинского уезда. Во время выборов волостного управителя и судебного исполнителя было арестовано несколько казахов. Присутствовавшие при этом казахи потребовали их освобождения. Хотя полиция открыла огонь, они силой освободили своих товарищей из-под стражи. Несколько полицейских и писарь были избиты. Для подавления «беспорядков» местная администрация срочно вызвала подкрепление.

10, 23 и 30 июня 1912 г. «Правда» поместила 4 сообщения о приговорах, вынесенных военно-окружными судами дехканам за участие в вооруженном нападении.

Как известно, 8 июля 1914 г. царское правительство разгромило редакцию «Правды». Возобновить издание ее удалось только после победы Февральской революции.

Социал-демократы Туркестана одними из первых в России приветствовали возрождение общероссийского большевистского органа: «Ташкентская группа социал-демократов приветствует возрождение партийной газеты «Правда» (7 марта 1917 г.).

Предоктябрьская «Правда» ярко запечатлела на своих страницах героическую борьбу туркестанского пролетариата и крестьянства против буржуазии и ее Временного правительства.

Характерно, что воссозданием социал-демократических групп и кружков в Туркестане руководили в большинстве случаев правдисты.

Газету получали по подписке во всех городах края, крупных гарнизонах, причем выписывали целыми комплектами. Так, в начале мая 1917 г. комплекты газеты (№№ 2—50) были получены в Ташкенте, Самарканде и Чарджуе¹⁰. Пролетариат Туркестана поддерживал газету денежными переводами (отчеты об этом напечатаны в номерах от 13 апреля, 19 мая, 14 и 17 июня 1917 г.).

Газета отводила много места освещению бедственного положения колониальных окраин, продовольственному кризису и т. д. Так, 23 августа 1917 г. «Правда» опубликовала статью «Почему нет хлеба», где популярно разъяснялось, что Временное правительство не в состоянии организовать правильный обмен между городом и деревней, оно усугубило противоречия до такой степени, что крестьянство отказалось продавать хлеб. Крупные фирмы, контролируемые банками, искусственно создали хлопковый голод, а в результате «закрываются сотни текстильных фабрик, и сотни тысяч рабочих лишаются заработка. Стоят фабрики, а деревня ждет мануфактуры. И в результате в городе нет хлеба. Вот как хлопковый голод, вызванный капиталистами, превратился в настоящий голод». Газета подводила читателей к выводу о том, что в тяжелом положении трудящихся виноваты не только буржуазия, Временное правительство, его Туркестанский комитет, но и те, которые говорили, что можно довериться буржуазии, т. е. меньшевики и эсеры.

Другой обличительный документ был опубликован в газете под

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1а, л. 1.

названием «Мародеры тыла» 31 августа 1917 г. В нем разоблачались спекулятивные махинации буржуазии с хлопком урожая 1916 г.

Любой факт из жизни Туркестана «Правда» использовала для формирования классового самосознания трудящихся, разоблачения антинародной политики буржуазии, любых проявлений великодержавного шовинизма и буржуазного национализма.

Глубокий анализ дали Ленин, партия большевиков июльским событиям 1917 г. Они получили широкий отклик и в Туркестане. В этом отношении весьма интересно письмо рабкора «Правды» со ст. Фараб Среднеазиатской железной дороги, опубликованное в газете 14 сентября.

«После петербургских событий 3—5 июля,— писал туркестанский рабочий,— контрреволюционная рать и черная сотня довольно ярко показала себя всюду. При этом громадную роль играла газета «Русская воля», «Живое слово» и журнал Алексинского. Так что в последнее время здесь уже нельзя стало в некоторых местах открыто говорить про большевиков...

Извращают смысл буржуазные газеты и темные силы, которые стараются подорвать всякое доверие к большевикам и предотвратить в массах развитие большевизма. Немалую роль играют в извращениях и эсерские партии, где большинством членов состоят черносотенные элементы. Помогают им и меньшевистские партии. В настоящее время членами меньшевистской партии распространяется брошюра «Большевики и меньшевики» А. Маркина, книгоиздательства «Книговед» в Москве, где большевики называются бунтарями, а меньшевики воспеваются поэтом как люди ума, стоящие на правильном пути.

Несмотря на эти препятствия, число сочувствующих большевизму, хотя и медленно, но увеличивается...

Необходимо в спешном порядке издать брошюру «О большевиках и меньшевиках», где простым языком изложить различие, с указанием причин, между большевиками и меньшевиками, и такую брошюру распространять по несколько экземпляров. Такая брошюра несомненно принесет громадную пользу и может проникнуть в деревни и села, где вообще о партиях представления не имеют.

В Закаспийской области, Бухарских владениях и Туркестанском крае большевистской литературы не имеется, а эсеровской и меньшевистской завалены все киоски как брошюрами, так и газетами.

Единственно здесь получается газета «Социал-демократ»¹¹.

Письмо рабкора ярко характеризует обстановку в крае после июльского кризиса.

Новую революционную волну в Туркестане, как и во всей стране, вызвал разгром корниловщины. Партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам!», который стал призывом к вооруженному выступлению за установление диктатуры пролетариата.

«...Конец сентября,— писал В. И. Ленин в «Правде» («Рабочий путь»),— принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции»¹².

Переломным стал сентябрь и в развитии революции в Туркестане. 17 сентября 1917 г. газета «Правда» («Рабочий путь») под рубрикой «Сегодня в номере» в числе важных известий поместила сообщение «Переход власти в руки Советов в Ташкенте».

В передовой статье 19 сентября газета сообщила, что контрреволюционное правительство Керенского послало карательную экспедицию для «наказания Ташкентского Совета». «Правда» публиковала телеграммы о движении карательной экспедиции, чтобы держать читателей в курсе туркестанских событий. 28 сентября на первой странице крупным шрифтом было набрано: «Карательная экспедиция в Таш-

¹¹ Орган Московского комитета РСДРП(б).— А. А.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 272.

кенте. Войска заняли Дом свободы, в помещении Совета произведен обыск, забраны касса и документы, началась всеобщая стачка».

4 октября газета вновь вернулась к туркестанским событиям: «...Приехавший вчера делегат из Ташкента (член ВЦИК Советов из Туркестана А. Я. Першин.— А. А.) раскрыл перед нами правдивую картину ташкентской «истории», и оказалось, что ташкентцы честно исполнили свой долг, несмотря на контрреволюционные упражнения агентов Вр. Правительства».

Ленинская «Правда» сыграла большую роль в подготовке и победоносном свершении пролетарской революции как в центре, так и на местах.

23 декабря 1917 г. «Правда» писала: «Рабочим и солдатам Ташкента и успевшим прибыть к ним на помощь из других городов Туркестана — всем, вставшим на защиту своих революционных организаций, пришлось кровью своей, жизнью своих товарищей, купить власть Советов и через трупы врагов своих перешагнуть в новую эру революции».

С тех пор прошло почти 65 лет. За эти годы в нашей стране произошли грандиозные преобразования. Неузнаваемо изменилась и древняя земля солнечного Узбекистана, в исторически короткий срок прошедшего под руководством КПСС, с братской помощью великого русского и других народов СССР некапиталистическим путем к социализму, а ныне активно участвующего в развитии общества зрелого социализма по пути к коммунизму.

И все эти огромные преобразования, свершенные партией Ленина и многонациональным советским народом, шаг за шагом глубоко освещала и освещает основанная великим Лениным трижды орденоносная газета «Правда» — флагман советской печати — могучего оружия партии в борьбе за торжество бессмертных ленинских идей, величественных идеалов коммунизма.

А. И. Акбаров

ИНҚИЛОБГА ҚАДАР ЧИҚҚАН «ПРАВДА» ГАЗЕТАСИ САҲИФАЛАРИДА ТУРКИСТОН

«Правда» газетасининг 70-йиллигига бағишланган ушбу мақолада инқилобгача бўлган Туркистондаги аҳволга биринчи навбатда озодалик, революцион ҳаракатнинг ўсишига ленинчи «Правда»нинг катта диққат-эътибор билан қараганлиги конкрет материаллар асосида ишонarli кўрсатиб берилган.

М. А. БАХРЕТДИНОВА

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УзССР

В документах XXVI съезда КПСС много внимания уделено вопросам рационального размещения производительных сил в стране, особенно в восточных районах Союза, где намечено осуществить крупные работы по освоению их природных ресурсов, развитию топливно-энергетических и сырьевых баз.

Вопросы дальнейшего развития и рационального размещения производительных сил весьма актуальны для республик Средней Азии, в том числе Узбекистана. За годы Советской власти в братской семье великого Союза ССР, благодаря проведению в жизнь ленинской национальной политики КПСС, наша республика стала высокоразвитым индустриально-аграрным районом страны, основной ее хлопковой базой с крупной многоотраслевой промышленностью — энергетической, горнодобывающей, сельскохозяйственного машиностроения, металлургической, химической, строительной индустрией, топливной, хлопкоочистительной, текстильной, пищевой и другими отраслями.

В настоящее время в Узбекистане действует более 1500 предприятий 100 отраслей и производств. В валовом общественном продукте на долю промышленности и строительства приходится 57%.

По производству некоторых важных видов промышленной продукции Узбекская ССР занимает ведущее место в СССР (хлопкоуборочные машины, оборудование для хлопкоочистительной промышленности, тракторные хлопковые сеялки, ровничные машины, хлопок-волокно, кенаф, шелк-сырец и др.).

За годы десятой пятилетки наша республика значительно продвинулась вперед во всех направлениях экономического и социального развития; значительно вырос ее промышленный потенциал. Введены крупные мощности по выпуску капролактама и сульфата аммония в Чирчикском производственном объединении «Электрохимпром», на Самаркандском и Алмалыкском химических заводах. Вступили в строй все десять блоков Сырдарьинской и 11-й — Навоийской ГРЭС; выдают продукцию новые цеха и подразделения Андижанского и Наманганского хлопчатобумажных комбинатов, Наманганского комбината авровых тканей, Маргиланского объединения «Атлас», маслоэкстракционный завод в Гулистане и т. д.¹

Достигнуты существенные результаты и в рациональном использовании трудовых ресурсов. Как отмечал Ш. Р. Рашидов на XX съезде КПУз, за десятую пятилетку у нас создано 290 филиалов и цехов крупных производств в малых городах и райцентрах. В них занято почти 30 тыс. человек, обеспечен ежегодный выпуск продукции на сумму свыше 300 млн. руб. Затраты на строительство и ввод этих объектов относительно невелики, а окупаемость вложенных средств исключительно высока.

В территориальной организации экономики республики, как и по Союзу в целом, за последние 10—15 лет широкое распространение

¹ «Правда Востока», 1980 г., 30 декабря.

получило групповое размещение производства, пришедшее на смену размещению отдельных предприятий. Усиливается концентрация производства в промышленности и сельском хозяйстве, позволяющая развивать региональную форму промышленных и агропромышленных объединений.

Формирование экономики региона во многом зависит от возможностей обеспечения промышленных предприятий или их совокупности трудовыми, сырьевыми, энергетическими и другими видами ресурсов. В этой связи надо отметить следующие основные региональные особенности Узбекистана, которые определяют характер и направленность долговременного развития его промышленности:

1) высокие темпы роста населения и, следовательно, трудовых ресурсов;

2) широкая гамма минерально-сырьевых ресурсов;

3) значительные запасы топливно-энергетических ресурсов (природный газ и гидроэнергия), используемых совместно с другими республиками Средней Азии и Казахстаном;

4) орошаемое земледелие, на базе которого развиваются хлопководство и другие отрасли сельского хозяйства;

5) значительная и разнообразная сырьевая сельскохозяйственная база;

6) наличие больших массивов целинных земель, создающих условия для ускоренного развития сельского хозяйства и промышленности;

7) ограниченность водных ресурсов и объективная необходимость переброски части стока сибирских рек;

8) возможности хозяйственного использования гор, предгорий и пустынь;

9) отдаленность республики от металлургических, лесозаготовительных и некоторых других баз страны;

10) недостаточность развития железнодорожных путей и несбалансированность ввоза и вывоза грузов в республике, что требует разработки и осуществления долговременных мероприятий по развитию производительных сил;

11) необходимость ускоренного развития производительных сил Узбекистана в системе восточных районов страны;

12) относительно более высокий уровень экономического и индустриального развития Узбекистана в Среднеазиатском экономическом районе и относительная близость его к странам Ближнего и Среднего Востока.

Итак, одна из важных региональных особенностей Узбекистана — высокие темпы естественного прироста населения и в соответствии с этим более высокая трудообеспеченность региона. Например, в 1970 г. прирост населения (в расчете на 1000 человек) по СССР составлял 9,2, в Узбекистане — 28,1 человека, а в 1979 г. — 8,1 и 27,4 человека².

Соответственно быстрыми темпами растут и трудовые ресурсы. Отсюда одна из важнейших проблем — вовлечение в общественное производство трудоспособного населения республики путем создания дополнительных рабочих мест.

Более полной и рациональной занятости способствует создание трудоемких, но фондоемких отраслей и производств.

При общей высокой трудообеспеченности региона в ряде отраслей (например, машиностроение, технология и др.) наблюдается нехватка квалифицированных рабочих. Решение данной проблемы требует еще более значительного расширения сети профессионально-технического обучения, охвата ею прежде всего сельской молодежи с тем, чтобы обеспечить широкое вовлечение ее в индустриальные отрасли народного хозяйства и в сферу обслуживания, которые в перспективе будут

² Народное хозяйство СССР в 1979 г. Статистический ежегодник. М., 1980, с. 39.

расти высокими темпами. Это касается всех экономических подрайонов республики, за исключением отдельных слабо освоенных территорий, полупустынных, горных районов и некоторых крупных промышленно развитых городов. Значимость расширения и совершенствования всей деятельности системы профессионально-технического обучения в современных условиях с новой силой подчеркнул состоявшийся 28 апреля 1982 г. в Ташкенте партийно-хозяйственный актив республики.

Наличие богатейших минерально-сырьевых ресурсов также относится к числу региональных особенностей Узбекистана. Недра республики изобилуют металлами, полевым шпатом, природным газом, горючими сланцами, солями, бентонитами, мрамором и другими облицовочными материалами. По многим из них республика занимает одно из ведущих мест в стране.

Выявленные запасы, а также растущие объемы поисковых и геологоразведочных работ дают основание считать, что минерально-сырьевая база республики не только обеспечит нормальную работу преобладающей части действующих предприятий на длительную перспективу, но и создаст предпосылки для строительства новых предприятий.

Так, на базе каолиновых глин Ангрена представляется возможным организовать крупное, союзного значения производство глинозема — сырья для алюминиевой промышленности. Богатейшие месторождения соли позволяют организовать не только добычу поваренной соли, но и использовать ее как сырье для развития химической промышленности, продукция которой будет не только удовлетворять потребности района, но и вывозиться в Сибирь, на Дальний Восток и др.

Важной региональной проблемой является использование потенциальных возможностей гор, предгорий и пустынь, занимающих 70% территории республики.

В этих районах имеются широкие потенциальные возможности для создания и развития комплексов горнодобывающей промышленности (например, в Сурхандарьинской, Джизакской, Самаркандской, Бухарской областях).

В ныне пустынных районах могут быть сформированы новые агропромышленные комплексы на базе развития животноводства и промышленной переработки сельскохозяйственного сырья.

Разумеется, успешное использование природных богатств гор, предгорий, пустынных и полупустынных зон в значительной мере зависит от степени изученности и транспортного освоения территорий.

Освоение и орошение новых земель — важный источник повышения ресурсного потенциала региона.

Только в X пятилетке в УзССР освоено около 500 тыс. га новых земель, а в XI пятилетке будет освоено еще 465 тыс. га.

Наиболее крупные массивы целинных земель имеются в Джизакской, Каршинской, Нижнеамударьинской, Северо-Бухарской, Сурхан-Шерабадской степях. При наличии водных ресурсов в республике можно освоить до 7—8 млн. га новых земель.

Между тем из-за ежегодного освоения новых поливных земель уменьшаются ресурсы свободного стока Аму- и Сырдарьи. Поэтому обеспеченность водными ресурсами в перспективе становится одной из главных проблем роста сельскохозяйственного и промышленного производства. В целях решения ее необходимо безотлагательно принять действенные меры по экономии воды и повышению коэффициента полезного действия водных систем, регулированию расходов воды, строительству водохранилищ, использованию подземных, возвратных, коллекторно-дренажных вод, а также ускорить переброску части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан.

Растущая сельскохозяйственная сырьевая база позволяет создать в Узбекистане ряд общесоюзных комплексов по производству хлопча-

тобумажных и шелковых тканей, трикотажа, нетканых материалов, ковровых изделий, по переработке овощей, фруктов, винограда.

Организация этих высокопродуктивных производств предопределяет необходимость сбалансированности сырьевой базы с мощностями промышленных предприятий и особенно увеличение переработки заготавливаемого в республике сельхозсырья для повышения роли УзССР в общесоюзном разделении труда.

Одна из региональных особенностей республики — отдаленность ее от металлургических баз страны.

Потребность Средней Азии и Южного Казахстана в черных металлах неуклонно растет, а единственный в Средней Азии передельный Бекабадский металлургический завод удовлетворяет эту потребность лишь на 8—10%.

Металлопрокат завозится в Узбекистан с уральских и украинских металлургических заводов, отдаленных на 2—3 тыс. км, что сопряжено с огромными затратами на транспортировку (по расчетам СОПСА АН УзССР — 10—12 млн. руб. в год).

Удовлетворение растущей потребности Узбекистана и всей Средней Азии в металлопрокате, метизах, изделиях из черных металлов обусловило необходимость расширения мощности Узбекского металлургического завода им. В. И. Ленина в Бекабаде. В 1980 г. там введены в действие электросталеплавильный цех с двумя стотонными печами и прокатный цех. Завод стал первым в Союзе предприятием по выплавке углеродистой конструкционной стали в электропечах на вторичном сырье. Продукция завода после окончания его реконструкции и расширения на полную проектную мощность сможет в значительных размерах удовлетворить потребность Средней Азии и Южного Казахстана в сортовом прокате.

В дальнейшем для наиболее полного обеспечения Средней Азии черными металлами целесообразно развить черную металлургию с полным циклом, используя для этого местные сырьевые ресурсы. По данным геологов, промышленный интерес представляют месторождения железных руд Чокадам-Булак (ТаджССР), Ирису, Абаил (Южный Казахстан) и Танбинбулак (КК АССР). Разработка их позволит создать здесь новую металлургическую базу Союза.

Отдаленность от металлургических баз страны и высокие транспортные издержки, связанные с обеспечением республики черным металлом, предопределяют необходимость размещения в УзССР в ближайшем периоде неметаллоемких, но трудоемких производств.

Наличие быстрорастущих трудовых ресурсов благоприятствует развитию высокотрудоемких отраслей — электротехнической, электронной, приборостроительной, радиотехнической и др. Это даст возможность не только рационально использовать значительные трудовые ресурсы, но и улучшить обеспечение народного хозяйства страны продукцией указанных отраслей.

Дальнейшее развитие сельхозмашиностроения для комплексной механизации хлопководства и совершенствование структуры машиностроительной промышленности позволят создать в Средней Азии крупную машиностроительную базу страны, а вместе с тем обеспечат технический прогресс и совершенствование межрайонных транспортно-экономических связей республики.

Поскольку предприятия машиностроения и металлообработки относятся к «свободно» размещаемым производствам и тяготеют в основном к районам потребления продукции, имеются благоприятные предпосылки для размещения их во всех районах республики, что определено повлияет на сближение уровней промышленного и вообще экономического развития областей Узбекистана и страны в целом.

Средняя Азия, в том числе Узбекистан, располагает большими возможностями и для дальнейшего развития энергетической базы — здесь находятся $\frac{1}{6}$ часть гидроэнергетических ресурсов страны, более 15%

потенциальных запасов природного газа, а также месторождения угля и нефти.

К региональным особенностям Узбекистана негативного плана относится несовершенство транспортного баланса — значительное преобладание ввоза грузов в республику над вывозом. Так, за 1960—1975 гг. объем ввоза грузов в республику увеличился в 2,34 раза, а вывоза — в 1,95 раза, при абсолютном (по тоннажу) преобладании первого над вторым почти в два раза.

Интенсивное развитие народного хозяйства на базе освоения имеющихся ресурсов, формирование новых промышленных узлов, экономических и культурных связей требуют дальнейшего развития сети железных дорог. За последние годы значительно расширились транспортно-экономические связи Узбекистана с другими экономическими районами страны в рамках единого народнохозяйственного комплекса.

Однако в народном хозяйстве и розничном товарообороте слишком велика доля завозимых товаров, намного превышающая норму ассортиментного пополнения.

Если доставку в республику хлебных, мясных, нефтяных грузов, а также металла, машин, оборудования и некоторых других грузов можно признать в значительной мере оправданной, то ввоз стройматериалов, удобрений, солей, кондитерских изделий, хозтоваров, консервов, винодельческих изделий и др. следует признать нерациональным, ибо их можно с успехом производить на месте.

По многим товарам народного потребления ввозом удовлетворяется большая часть основных потребностей, которые могут покрываться внутрирайонным производством, что позволит избежать нерациональных транспортных перевозок. Чтобы изжить эту диспропорцию, надо совершенствовать структуру промышленного производства, причем не только в интересах сокращения ввоза, но и в целях значительного увеличения вывоза продукции в другие районы, с тем, чтобы достичь рациональной сбалансированности межрайонных транспортно-экономических связей и увеличить вклад республики в общесоюзное развитие.

Совершенствование структуры промышленности за счет развития трудоемких отраслей и производств позволяет решать и важную социальную задачу значительного увеличения контингента занятых в промышленности.

Таким образом, рациональное размещение и комплексное развитие производительных сил республики с учетом ее региональных особенностей имеют не только большое экономическое, но и важное социальное значение. Правильный подход к этой сложной проблеме обеспечит успешное выполнение народным хозяйством республики тех ответственных задач, которые поставлены перед ним решениями XXVI съезда КПСС, XX съездом Компартии Узбекистана и последующими Пленумами ЦК КПСС и ЦК КПУз.

М. А. Бахриддинова

ЎзССР САНОАТИ ЖОЙЛАШУВИНИНГ АСОСИЙ ОМИЛЛАРИ ВА РЕГИОНАЛ ХУСУСИЯТЛАРИ

Мақолада республика шароитида корхона ва саноат ишлаб чиқариш корхоналарини рационал, илмий асосда жойлаштиришга сабаб бўладиган Ўзбекистоннинг энг муҳим регионал хусусиятлари ҳақида баён қилинади.

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ*

XXVI съезд КПСС уделил большое внимание борьбе за искоренение правонарушений в нашей стране, потребовав, чтобы эта работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание¹. В 1981 г. Верховными Советами СССР и союзных республик были внесены изменения и дополнения в действующее союзное и республиканское административное, уголовное, уголовно-процессуальное и исправительно-трудовое законодательство, направленные на повышение эффективности правовых норм в деле ликвидации антиобщественных проявлений. Как отмечается в постановлении ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями»², осуществлены важные меры по борьбе с правонарушениями. По ряду составов преступлений успешно применяются наказания, не связанные с лишением свободы; уголовное наказание за малозначительные преступления в ряде случаев заменяется мерами административного и общественного воздействия; оправдала себя отсрочка исполнения приговоров несовершеннолетним. Цель этих правоохранительных мер — усиление работы по предупреждению правонарушений. Они знаменуют собой новый этап в партийном и государственном руководстве правоохранительными органами, расширении дифференциации правовых санкций³.

Прочные экономические, политические, правовые гарантии прав и свобод советских людей, надежная охрана интересов граждан и государства — огромное завоевание нашего общества. С 1922 г. население страны выросло на 120 млн. человек, а преступность сократилась в 3,5 раза. За 25 последних лет уровень судимости снизился в 2,5 раза. Существенно изменился и характер преступности, значительная часть правонарушений не представляет большой общественной опасности. Есть и другие позитивные тенденции, вытекающие из результатов успешного развертывания коммунистического строительства⁴.

Вместе с тем криминологические прогнозы, характеризующие уровень, структуру и тенденции изменения преступности, показывают, что ожидать ее ликвидации в ближайшие годы не приходится. Кроме того, в этот период вряд ли произойдет и существенная декриминализация деяний, ибо законодательство о борьбе с правонарушениями, в том числе уголовное, должно быть воплощением прогноза. Это требует поиска путей повышения эффективности борьбы с правонарушениями, что, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки проблем уголовной политики,

В этой связи надо сказать, что в последние годы в рамках социальной политики все больше выделяется уголовная политика, которая представляет собой систему научно обоснованных идей и социально-правовых средств, стратегию и тактику воздействия на основные детерминанты преступности с учетом проявления их в конкретных исторических условиях с целью искоренения преступлений. Она дает социальную оценку преступления и наказания, определяет цели и задачи борьбы с преступностью, пути и средства этой борьбы, ее направле-

* В порядке обсуждения.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 65.

² «Правда», 1979 г., 11 сентября.

³ Щелокоев Н. А. Вопросы укрепления правопорядка и законности в условиях развитого социализма. — «Вопросы философии», 1978, № 11, с. 9.

⁴ Щелокоев Н. А. В борьбе за социалистический правопорядок. — В сб.: Дело всей партии. Материалы Всесоюзного созвещения идеологических работников. М., 1980, с. 191.

ния на том или ином этапе развития общества⁵, является концепцией искоренения преступлений. Уголовная политика исходит из того, что в условиях развитого социализма борьба с преступностью — не самоцель, а важное средство борьбы за нового советского человека, требующее не только проведения воспитательных мероприятий, но и принятия мер принудительного воздействия. Отсюда необходимость дальнейшей разработки вопросов уголовной политики и повышения ее эффективности⁶.

Уголовная политика носит межотраслевой характер. Поэтому нельзя не вспомнить давно высказанное в литературе предложение о создании комплексной научной дисциплины — «уголовной политики»⁷. Тем более, что теория советской уголовной политики структурно представляет собой интегрированную междисциплинарную отрасль социально-правовых знаний, и важно определить, какой круг отраслевых проблем и их аспектов должен включаться в ее синтезированное содержание. «Уголовная политика, — пишет В. Н. Кудрявцев, — в том понимании, в каком это научное направление сложилось в советской науке, да и за рубежом, действительно является междисциплинарной»⁸. Характерно, что 83,7% руководителей горрайорганов внутренних дел, опрошенных нами на факультете повышения квалификации при Ташкентской высшей школе МВД СССР, высказались за уголовную политику как самостоятельную науку, а остальные 16,3% не смогли твердо выразить свое мнение. С их точки зрения, если выделение уголовной политики в отдельную науку активизирует разработку уголовно-политических проблем в тесной связи с правоприменительной практикой, то они «за». Иначе в ней нет необходимости.

Проблемы уголовной политики разрабатываются еще недостаточно и нерегулярно освещаются в литературе. Изучение уголовно-политических проблем следовало бы интенсифицировать. На наш взгляд, целесообразно издание журнала или периодически выходящего сборника, посвященного актуальным вопросам советской уголовной политики. Издание и координацию уголовно-политических исследований может осуществлять кафедра уголовной политики и уголовного права Академии МВД СССР — пока единственная в системе юридического образования, которая разрабатывает уголовную политику как проблемную учебную дисциплину, хотя в некоторых юридических вузах, в том числе в Ташкентской высшей школе МВД СССР, ведутся небольшие аналогичные спецкурсы. Сначала, по нашей инициативе, в курсе криминологии стал изучаться раздел «Основы советской уголовной политики», состоящий из четырех тем. Затем на факультете заочного обучения для слушателей-выпускников был введен спецкурс «Актуальные проблемы советской уголовной политики и уголовного права в свете решений XXVI съезда КПСС и постановления ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями». Этот спецкурс вызвал живой интерес у слушателей и помог им в подготовке к госэкзамену по советскому уголовному праву, а также способствовал проблемному обучению, которому ныне уделяется много внимания.

Основное содержание уголовной политики — борьба за искоренение правонарушений. Это предопределяет и некоторые особенности ее реализации. В частности, уголовная политика реализуется через право и в рамках права. Последнее является важнейшим средством про-

⁵ Загородников Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. М., 1979, с. 37.

⁶ Щёлокот Н. А. Социалистический образ жизни и вопросы укрепления правопорядка в условиях развитого социализма. — «Социологические исследования», 1977, № 2, с. 103.

⁷ См.: Герцензон А. А. Уголовная политика и пути ее изучения. — «Советское государство и право», 1969, № 8, с. 28; его же. Уголовное право и социология. М., 1970, с. 196.

⁸ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978, с. 167.

ведения в жизнь советской политики, так как в нормативных, в том числе уголовно-правовых, актах практически воплощаются политические идеи, взгляды, намеченная линия на ликвидацию правонарушений. В них находят свое выражение и приобретают форму общеобязательного веления основные направления в области борьбы с преступностью.

Одной из наиболее действенных форм реализации уголовной политики и в то же время выявления потребностей совершенствования законодательства о борьбе с правонарушениями выступает судебная практика. Она оказывает непосредственное воздействие на рационализацию норм закона. Особенно это проявляется при неполноте нормативного решения отдельных сторон охраняемых и регулируемых общественных отношений, а также в случае коллизии правовых норм.

Судебную практику можно рассматривать как «генератор» и передатчик соответствующей социальной информации⁹, так как суды — правоприменительные органы, и в процессе выполнения возложенных на них задач обнаруживаются пробелы и противоречия в законодательстве. Хотя суды не занимаются правотворчеством, тем не менее они доводят обнаруженные недостатки до сведения законодателя. Нередко судебные органы представляют законодателью практику, которая может стать основой правовых норм либо сигнализирует об отсутствии единства в применении закона.

Исключительно важная роль в направлении судебной практики и повышении ее эффективности в борьбе за искоренение правонарушений принадлежит Пленуму Верховного Суда СССР и Пленумам Верховных судов союзных республик. Осуществляя судебный надзор, высшие судебные органы могут установить, что судебная практика при рассмотрении уголовных дел не соответствует нормам законодательства и что суды, несмотря на ясность и недвусмысленность нормы по тем или иным вопросам, не исполняют ее. В этих случаях задача Пленумов — обратить внимание судов на подобные ошибки, напомнить и разъяснить содержание нормы и потребовать ее соблюдения. Так, Верховный суд УзССР, обобщив судебную практику по уголовным делам о злоупотреблении властью или служебным положением, халатности, приписках и других искажениях отчетности о выполнении планов, констатировал, что отдельные суды допускают ошибки в разграничении названных составов преступлений, не реагируют на факты преступной связи должностных лиц с расхитителями, преступно-небрежного отношения к обеспечению сохранности народного добра от хищений, разбазаривания, уничтожения и порчи, что препятствует успешному выполнению народнохозяйственных планов. Пленум Верховного суда УзССР счел целесообразным наряду с принятием соответствующего постановления сообщить министру юстиции республики о недостатках в деятельности судов по проведению ими профилактической работы и по возмещению материального ущерба, причиненного государству должностными преступлениями, а также **выслать обзор** областным судам и отделам юстиции с указанием наиболее характерных ошибок, допущенных судами по конкретным делам для обсуждения и принятия мер¹⁰.

С помощью судебной практики вскрываются дефекты законодательной техники, редакционно улучшаются правовые нормы и выявляются еще имеющиеся недостатки в законодательстве, что является важной формой реализации уголовной политики.

Недостатки, имеющиеся в различных отраслях законодательства,

⁹ Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975, с. 148.

¹⁰ См. постановление Пленума Верховного суда УзССР от 29 марта 1974 г. «О практике рассмотрения дел о злоупотреблениях, халатности и приписках должностных лиц». — Постановления Пленума Верховного суда Узбекской ССР, 1974—1976 гг., Ташкент, 1977, с. 3—4.

могут представлять собой несоответствия, пробелы, несогласованности и недоработки.

Несоответствия означают отсутствие преемственности между отдельными правовыми актами или нормами. Например, после принятия действующих УК союзных республик правоприменительная практика выяснила, что в них имеются отступления от указаний Основ, случаи несоответствия и даже противоречия между отдельными нормами союзного и республиканского законодательства. При разработке УК, детализации норм Основ, внесении текущих изменений и дополнений в законодательство не всегда четко разграничиваются сферы компетенции Союза ССР и союзной республики. В одних случаях республики выходят за пределы своих полномочий, в других — Союзом ССР принимаются правовые акты по вопросам Особенной части УК, отнесенным к компетенции союзных республик. Поэтому в литературе, например, предлагается с учетом опыта применения норм действующих УК союзных республик и сложившейся в этих кодексах системы норм об ответственности за убийство и телесные повреждения, предусмотреть в ст. 10 Основ перечень видов убийств и телесных повреждений, за совершение которых ответственность наступает с 14-летнего возраста. Установление такого перечня относится к компетенции союзного законодателя, и нет оснований для различного решения данного вопроса в УК союзных республик¹¹.

То же самое относится к ст. ст. 18 и 19 УК УзССР и соответствующим нормам УК других союзных республик, где имеются ссылки на статьи УК с перечнем преступлений, укрывательство которых или недонесение о которых уголовно наказуемы. Длинные перечни статей Особенной части, предопределяющие решение вопросов о назначении и исполнении наказания за те или иные преступления, встречаются и в других нормах УК. Эти перечни не всегда совпадают в УК союзных республик, что говорит об их несогласованности. Но они необходимы, ибо многие вопросы не могут быть решены без них. На данном этапе развития уголовного законодательства перечни служат гарантией соблюдения социалистической законности.

В целях избежания несоответствий и даже пробелов в уголовном законодательстве в его Общей части следовало бы предусмотреть ряд родовых понятий (должностного лица, представителя власти и т. д.).

В отличие от несоответствий пробелы в законодательстве означают отсутствие тех или иных норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Пробел означает брешь в законодательстве. Это особенно заметно в законодательстве об ответственности за хозяйственные преступления. В частности, в УК УзССР нет таких составов, как незаконное пользование товарными знаками (имеется в УК семи союзных республик); спекуляция жилищами (предусмотрена в десяти кодексах); недоброкачественное строительство (имеется в шести кодексах); недоброкачественный ремонт (УК КазССР и КиргССР); преступная бесхозяйственность, самовольное сенокошение (УК КазССР); причинение лесного пожара (УК Азербайджанской, Киргизской и Молдавской союзных республик); фальсификация предметов, предназначенных для сбыта (УК ГрузССР); умышленное повреждение мелиоративных сооружений (УК ЛатССР и ЛитССР). Деяния, предусмотренные перечисленными уголовно-правовыми нормами, представляются характерными для многих союзных республик. Например, вряд ли объяснимо отсутствие нормы об ответственности за потерю хлопка в УК КазССР, КиргССР, ТаджССР, ТуркмССР и АзССР. Потери хлопка в процессе сбора и сдачи его встречаются во всех среднеазиатских республиках, Азербайджане и Чимкентской области Ка-

¹¹ А х м е д о в Г. А. Компетенция союзной республики в области уголовного законодательства. Автореферат докт. дисс. М., 1973; с. 2.

захской ССР. Отношение к сбору и сдаче хлопка государству, а также потере его не может быть разным в хлопкосеющих республиках.

Для законодательства об ответственности за хозяйственные преступления наиболее характерны местные экономические, географические, бытовые и другие условия и особенности союзных республик. Так, деяния, выражающиеся в нарушении водопользования или умышленном повреждении ирригационных сооружений (ст. ст. 186 и 187 УК УзССР), предусмотрены в УК союзных республик, где имеются поливные земли и орошение является главным образом искусственным. Однако непонятно отсутствие в УК некоторых республик таких норм, как незаконная перевозка пассажиров и грузов, незаконная эксплуатация автотранспорта (ст. ст. 180 и 180¹ УК УзССР), т. е. ответственности за деяния, достаточно широко распространенные в любой союзной республике. Невозбуждение органами предварительного расследования дел об этих преступлениях еще не означает, что такие деяния не встречаются, о чем свидетельствуют административно-правовая практика ГАИ и дисциплинарная практика в автохозяйствах. Что касается уголовно-правовых норм за указанные правонарушения, то они не достигают целей, ибо почти не применяются.

В отдельных правовых нормах, как будто даже достаточно эффективных, в процессе применения обнаруживаются пробелы и некоторые противоречия¹². Поэтому в УК вносится большое число изменений и дополнений, направленных на дальнейшее совершенствование законодательства.

Если в одной главе УК содержатся статьи, предусматривающие ответственность за преступления, посягающие на разные объекты, можно говорить о несогласованности между уголовно-правовыми нормами или их диспозициями. В УК большинства союзных республик ответственность за угрозу убийством, нанесением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества предусмотрена в главе о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, а в УК УзССР ответственность за угрозу убийством — в главе о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст. 85). Причем в УК УзССР эта норма находится между превышением пределов необходимой обороны, повлекшим смерть нападавшего (ст. 84), и убийством по неосторожности (ст. 86). Едва ли общественная опасность и содержание этих трех норм близки. Сущность ст. 85 УК УзССР явно обеднена, она не согласуется с нормами, среди которых находится. Налицо, таким образом, несогласованность между уголовно-правовыми нормами.

Несогласованность между правовыми актами, относящимися к различным отраслям законодательства, проявляется в том, что уголовно-правовые нормы иногда по смыслу противоречат административно-правовым и гражданско-правовым.

В санкциях несогласованность проявляется чаще всего в большом разрыве между меньшим и большим пределами наказания. В этой связи в литературе отмечается, что принцип *nulla poena sine lege* имеет не меньшее значение, чем принцип *nullum poena sine lege*. Иначе трудно говорить об определенности наказания в законе, если санкция предусматривает лишение свободы от одной недели до десяти лет¹³. Это не отвергает допустимость в законе относительно-определенных санкций. Однако недопустимо, чтобы относительно-определенные по форме они превращались в неопределенные фактически. Неопределенность санкции практически означает ее отсутствие и, следовательно, неполноту регулирования в части определения правовых последствий¹⁴.

¹² Ахмедов Г. А. Некоторые вопросы развития и совершенствования уголовного законодательства.— В кн.: Вопросы совершенствования законодательства Узбекской ССР, Ташкент, 1970, с. 115.

¹³ Лернелъ Л. К вопросу об установлении в законе пределов наказания.— В кн.: Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, с. 428.

¹⁴ Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974, с. 25.

Это в полной мере относится и к санкции ч. 3 ст. 208 УК УзССР, предусматривающей лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет. Тем более, что санкция ч. 2 этой же статьи предусматривает лишение свободы до десяти лет. Помимо огромных «ножниц» в наказании, получается, что лицо, виновное в гибели нескольких людей, нередко наказывается меньше, чем тот, кто причинил в результате нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта опасное для жизни тяжкое телесное повреждение или смерть потерпевшему.

Несогласованностей в законодательстве, к сожалению, еще немало. Встречаются в нем и недоработки. К последним можно отнести недостатки законодательства, являющиеся следствием неправильного использования соответствующих понятий. Недоработка возникает и из-за нарушения законодательной техники при формировании правовых норм. Например, в ст. 98 УК УзССР предусмотрена ответственность за выдачу замуж и вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста. Ч. 2 ст. 98 УК гласит: «Вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости». «Половая зрелость» не юридическое, а медицинское понятие, в определении которого ошибки допускают даже врачи. Законодатель отказался от использования этого понятия в ст. 95 УК УзССР. Однако в ст. 98 УК УзССР оно почему-то осталось.

Устранение несогласованностей, пробелов, несоответствий и недоработок в законодательстве, как и в праве в целом, — важная задача правотворческих органов, и они успешно решают ее. Советское государство делает все необходимое, «чтобы каждое преступление должным образом расследовалось и виновные несли заслуженное наказание»¹⁵. Там, где это необходимо, используется эксперимент, который также является одной из форм реализации уголовной политики.

Социально-правовой эксперимент всегда направлен на изучение новых форм правоотношений. В этой связи в правовом регулировании предполагаются определенные изменения, осуществимые только посредством норм права. Кроме того, сама экспериментальная деятельность невозможна без управления, важным элементом которого служит право, что требует принятия отдельных групп нормативных актов. К ним относятся: а) акты, связанные с подготовкой эксперимента; б) акты, принимаемые по результатам эксперимента. Главное место среди них занимает акт компетентного органа, выступающий в качестве правовой основы эксперимента. Проведение социально-правового эксперимента в области законодательства о борьбе с правонарушениями должно оформляться только актом органа, издавшего норму, отступление от которой предполагает эксперимент.

Заслуживают исследования такие вопросы, как природа и правовая основа эксперимента, пределы его проведения, юридические гарантии прав личности при экспериментировании и др.¹⁶ При проведении, например, эксперимента с уголовно-правовыми нормами необходимо соблюсти, с одной стороны, требование равенства граждан перед уголовным законом, а с другой, — условие всякого эксперимента — его репрезентативность (представительность)¹⁷.

Проведение эксперимента должно получить правовую основу. Наряду с этим целесообразно в законодательном порядке определить эксперимент как метод правотворчества и предусмотреть применение некоторых правовых актов по важнейшим общественно-политическим вопросам в экспериментальном порядке¹⁸. В правоохранительных органах эксперименты уже имеют правовую основу. В частности, в

¹⁵ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 65.

¹⁶ Никитинский В. И. Значение эксперимента в нормотворческой деятельности. — «Советское государство и право», 1967, № 6, с. 27.

¹⁷ Кузнецова Н. Ф., Кригер Г. А. Совершенствование уголовного закона (Вопросы методики). — «Правоведение», 1976, № 4, с. 51.

¹⁸ Сафаров Р. А. Социальный эксперимент и проблемы государства и права. — «Советское государство и право», 1964, № 10, с. 21—22.

1976 г. введена в действие Инструкция об организации и проведении экспериментов в органах внутренних дел.

На необходимость экспериментов при решении социальных преобразований В. И. Ленин указывал еще в первые годы Советской власти¹⁹.

Проводить эксперименты по правовым мерам борьбы с правонарушениями очень трудно. Их результаты не могут быть получены в короткий срок, ибо для выявления эффективности той или иной меры необходим большой промежуток времени. К тому же во всех случаях требуется предварительное изучение правового акта, который рассчитан на строго определенную сферу его применения и вместе с тем не должен нарушать единообразия социалистического правопорядка. Отдельные ученые полагают, что устранению значительной части указанных трудностей будет способствовать соответствующее моделирование на электронно-вычислительных машинах²⁰.

Возможность использования ЭВМ реальна. На наш взгляд, целесообразно провести на них два вида эксперимента: 1) по квалификации преступлений; 2) по назначению наказания за уголовно наказуемые деяния. Для первого эксперимента следовало бы ввести в память машины текст диспозиции норм одной из глав УК (например, преступления против личной собственности граждан), краткого комментария к ним (в основном по разграничению составов преступлений), постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Пленумов Верховных судов союзных республик по данным преступлениям, распространенных оснований отказа в возбуждении и прекращении уголовных дел, связанных с квалификацией преступлений, и фактов самих преступлений. Полученные таким путем квалификации сравнивались бы с судебными квалификациями преступлений.

Для осуществления второго эксперимента желательно подобрать уголовные дела, по которым приговоры обжаловались в кассационную инстанцию и вступили в законную силу. В память ЭВМ нужно ввести санкции статей, по которым можно квалифицировать преступления, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, характеристику на личность виновного, включая смягчающие обстоятельства, не указанные в законе, краткие фабулы преступлений, которые нужно предельно формализовать. Желательно вводит их в машину в виде формализованных документов, что значительно облегчит использование ЭВМ. Последнее может быть достигнуто с помощью информационно-поискового языка как определенной семантической системы, предназначенной для выражения основного смыслового содержания документов и запросов с целью отыскания в информационном фонде документов, содержащих требуемую информацию²¹.

Если назначение наказания с помощью ЭВМ не будет существенно отличаться от вида и размера наказания, определяемого судом, то такой эксперимент следовало бы продолжить по уголовным делам, по которым еще не состоялось постановление приговора. Параллельное назначение наказания ЭВМ и судом могло бы выявить определенные расхождения, которые устранимы в процессе дальнейшего проведения эксперимента.

В перспективе назначение наказания с помощью ЭВМ стало бы одной из важных форм контроля за разрешением по существу уголовных дел. Однако лишь таким путем нельзя решить вопрос о правовом эксперименте в области законодательства о борьбе с правонарушениями.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 192; т. 42, с. 215.

²⁰ Абдуллаев Н. Д., Муравьев Ю. В. Роль конкретно-социологических методов исследования в совершенствовании советского правотворчества.— «Вестник ЛГУ», 1964, № 17, вып. 3, с. 156.

²¹ Шейн Д. П. Информационно-поисковые системы и возможности их применения в органах внутренних дел. М., 1973, с. 8.

Правовому эксперименту должны предшествовать изучение конкретных условий действия предполагаемых правовых норм, выявление (анкетированием или опросом) общественного мнения о целесообразности их введения, сравнительный анализ этих норм с уже действующими правовыми актами, определение их эффективности и т. д. В литературе правовые эксперименты, в зависимости от целевого назначения, подразделяют на два вида: а) эксперименты, призванные определить эффективность действующего законодательства; б) эксперименты, направленные на выбор научно обоснованного варианта правового регулирования²².

Представляется, однако, что эффективность борьбы с правонарушениями не может быть определена экспериментальным путем, если только не отождествлять понятие эксперимента с другими видами общественной практики или организацией каких-либо специальных исследований. Любой социальный эксперимент немалозначим без активного вмешательства в действительность путем создания новых отношений, целесообразность внедрения которых и проверяется. Аналогичную позицию занимает В. И. Никитинский²³.

Правовые нормы могут приниматься экспериментально лишь в том случае, если они не усиливают ответственности и наказания и не нарушают гарантированные Конституцией СССР права граждан. Их действие должно быть ограничено во времени и пространстве. Достаточно, например, принять уголовно-правовой акт в одной союзной республике. Причем один и тот же эксперимент можно по-разному проводить в различных союзных республиках. Важно только, чтобы экспериментальная уголовно-правовая норма не противоречила суверенитету союзных республик, принципам уголовного законодательства и советского права в целом.

При положительной оценке эксперимента в союзной республике его можно завершить принятием общесоюзного уголовно-правового акта, с учетом и устранением недостатков, выявленных при первоначальном его проведении в союзной республике. Если экспериментальные нормы имеют отрицательные последствия, то действие их прекратится по истечении того срока, на который они были приняты, или досрочно. Однако это не исключает возможности продолжения эксперимента, необходимого для отработки наиболее оптимальных вариантов уголовно-правового регулирования. Такое экспериментирование дало бы ценный материал для совершенствования законодательства. Однако следует учитывать, что социально-правовой эксперимент — сложный и не всегда применимый способ повышения эффективности борьбы с правонарушением. С помощью экспериментов можно определить своевременность издания правового акта, обеспечить необходимую стабильность правовых норм и практики их применения. Но существуют определенные границы, за пределами которых постановка эксперимента исключается. Здесь необходимо использовать иные методы повышения эффективности борьбы с правонарушениями.

Вопрос о социально-правовом эксперименте, безусловно, требует дальнейшей глубокой разработки, равно как и весь комплекс проблем уголовной политики, форм и методов ее реализации в интересах всемерного укрепления социалистической законности и правопорядка в нашей стране.

Б. А. Миренский

ЖИНОЙ СИЕСАТ ТУШУНЧАСИ ВА УНИНГ БАЪЗИ ФОРМАЛАРИНИ РЕАЛИЗАЦИЯ ҚИЛИШ ТУҒРИСИДА

Мақолада ривожланган социализм шароитида жиной сиёсат тушунчасининг моҳияти ва унинг баъзи формаларини реализация қилиш масалалари қисқача баён этилган.

²² Смирнов О. В. Роль правовых экспериментов в регулировании организации труда на производстве.— В сб.: Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской теоретической конференции, М., 1966, с. 18.

²³ Никитинский В. И. Указ. статья, с. 28.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРИНЯТИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ВСТРЕЧНЫХ ПЛАНОВ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УзССР

В условиях зрелого социализма социалистическое соревнование превратилось в мощный фактор экономического и социального прогресса, духовного, нравственного расцвета советского общества. Оно стало подлинно всенародным, приобрело качественно новые черты, обогатилось его формы и содержание, повысилась эффективность. Внимание соревнующихся все более сосредоточивается на повышении эффективности производства и качества работы, ускорении роста производительности труда.

Весьма важной формой социалистического соревнования, направленной на повышение эффективности производства, являются встречные повышенные планы.

Подчеркивая большое значение встречных планов, Л. И. Брежнев в выступлении в Новороссийске 7 сентября 1974 г. сказал: «Одним из примечательных явлений наших трудовых будней стал новый мощный подъем всенародного социалистического соревнования, разработка и реализация многими коллективами предприятий встречных планов. Начатое по инициативе москвичей это движение приобретает все более и более широкий размах. И мы будем всячески поддерживать и развивать его»¹.

В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС Л. И. Брежнев с новой силой подчеркнул значение встречных планов как важнейшей формы социалистического соревнования.

Встречные планы зародились еще в 30-е годы, когда в нашей стране развернулось всенародное движение за ударный труд, за выполнение планов первых пятилеток. В период зрелого социализма эта форма творческой активности масс развивается на новой, более совершенной материально-технической базе, в условиях осуществления научно-технической революции. Современные встречные планы охватывают все стороны деятельности предприятий. Они составляются на основе более полного выявления и использования внутренних резервов, существенно влияют на количественные и качественные показатели работы предприятий, на совершенствование плановых начал советской экономики. Во встречных планах социалистические обязательства коллективов органически сливаются с государственными планами и обретают силу закона, становятся нормой хозяйственной жизни трудовых коллективов.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» от 12 июля 1979 г. встречное планирование рассматривается как одно из важных звеньев системы планирования. На основе развертывания социалистического соревнования и использования внутрихозяйственных резервов, указывается в постановлении, «производственные объединения (предприятия) и организации разрабатывают встречные планы, превышающие задания пятилетнего плана, установленные на соответствующий год. Встречные планы, принятые по инициативе производственных объединений (предприятий) и организаций, увязанные с материальными ресурсами, включаются в состав годового плана»². Постановление ориентирует производственные коллективы на достижение более тесной и органичной взаимосвязи плана и соревнования, на укрепление и развитие демократических основ социалистического планирования. Все эти черты наиболее ярко проявляются во встречных планах.

Уже в годы девятой пятилетки по почину коллективов передовых предприятий Москвы, Ленинграда, Ивановской области в различных отраслях народного хозяйства получило широкое развитие движение за принятие и реализацию напряженных, экономически обоснованных планов.

Движение это приняло широкий размах и в Узбекистане. Так, многие коллективы передовых предприятий различных отраслей промышленности республики в 1973 г. разработали напряженные встречные планы по росту производительности труда и увеличению объема производства.

Зачинателями этого патриотического движения в республике выступили коллективы заводов «Миконд» (Ташкент) и «Узбекхиммаш» (Чирчик). Коллектив за-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 5. М., 1976, с. 135.

² Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. М., 1979, с. 12.

вода «Миконд» принял встречный план, предусматривавший увеличение выпуска продукции на 22,3%, вместо 17,7% по государственному плану, а рост производительности труда — на 11%, вместо 10,3% по плану. Уже план первого полугодия по реализации продукции завод выполнил досрочно, 21 июня 1973 г. Объем продукции по сравнению с соответствующим периодом 1972 г. возрос на 32%, производительность труда — на 23%³. Успешно были выполнены и годовые обязательства.

Встречным планом коллектива «Узбекхиммаша» на 1973 г. предусматривалось реализовать продукции на 400 тыс. руб. больше, чем по государственному плану, задание по росту производительности труда перевыполнить на 1%, получить 100 тыс. руб. сверхплановой прибыли⁴. Разрабатывая и осуществляя встречный план, коллектив завода направил главное внимание на повышение технического уровня производства, производительности труда, качества продукции, более эффективное использование машин, оборудования, экономно и бережливо. В результате большой творческой работы коллектива встречный план был успешно выполнен. Сверх плана реализовано продукции на 544 тыс. руб. Производительность труда возросла на 3,1%, получено сверхплановой прибыли 271 тыс. руб.⁵

В сентябре 1973 г. Президиум Узсовпрофа одобрил опыт коллективов заводов «Миконд» и «Узбекхиммаш» по принятию встречных планов и, «учитывая важность начинания передовых коллективов в деле успешного завершения пятилетнего плана и социалистических обязательств», предложил профсоюзным организациям республики «провести организаторскую и разъяснительную работу по широкому поддержанию инициативы предприятий, работающих по встречным планам»⁶.

Почин передовых предприятий нашел широкую поддержку во многих трудовых коллективах республики. Так, в 1973 г. только в Ташкентской области встречные планы приняли коллективы 19 промышленных предприятий, в их числе Чирчикского трансформаторного, Ангренского керамического заводов и др. В результате выполнения этих планов реализовано сверхплановой продукции на 15 млн. руб.⁷

Вместе с тем следует отметить, что отдельные министерства (легкой, хлопкоочистительной промышленности) не поддержали должным образом инициативу передовых предприятий, принявших в 1973 г. встречные, повышенные планы. Не были рассмотрены планы их материально-технического снабжения и фонды заработной платы, действующие положения о премировании.

Президиум Узсовпрофа, обсудив 15 февраля 1974 г. вопрос о встречных планах, обязал профсоюзные организации и хозяйственных руководителей Минлегпрома и Минхлопкопрома УзССР провести необходимую организаторскую и разъяснительную работу среди коллективов предприятий по разработке и принятию встречных планов, а также потребовал от Республиканского комитета профсоюза работников легкой и текстильной промышленности, Минлегпрома и Минхлопкопрома УзССР в месячный срок рассмотреть решения коллективов, принявших встречные планы, внести необходимые изменения в годовые задания, фонды материально-технического снабжения и др.⁸

С новой силой развернулось движение за принятие повышенных встречных планов в 1974 г., в честь 50-летия образования УзССР и Компартии Узбекистана.

4 января 1974 г. «Правда» обнародовала «Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу». «Сейчас в стране,— говорилось в Обращении,— по инициативе передовых предприятий ширится движение за принятие встречных планов. Центральный Комитет КПСС придает инициативе огромное значение». Обращение ЦК партии вызвало новый прилив творческой энергии советских людей. По всей стране развернулось всенародное социалистическое соревнование за успешное выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов и социалистических обязательств 1974 г. и девятой пятилетки в целом. Более широкие масштабы приняло и встречное планирование. В 1974 г. 14 тыс. коллективов (в ряде отраслей — каждый второй коллектив) приняли встречные планы⁹.

В Узбекистане инициатором принятия встречных планов на 1974 г. выступил коллектив ордена Трудового Красного Знамени Ферганского текстильного комбината им. Ф. Дзержинского. Он обязался в юбилейном году выработать и реализовать сверх государственного плана продукции на 850 тыс. руб.; перевыполнить план по росту производительности труда на 0,5%; весь прирост продукции получить за счет повышения производительности труда¹⁰.

В январе 1974 г. ЦК КПУз одобрил этот почин и предложил партийным и профсоюзным организациям республики «широко поддержать инициативу ферганских текстильщиков, оказать необходимую помощь коллективам в разработке и при-

³ Текущий архив Узсовпрофа. Протокол заседания президиума Узсовпрофа от 13.IX 1974 г.

⁴ «Машиностроитель», 1974 г., 1 февраля.

⁵ Там же.

⁶ Текущий архив Узсовпрофа. Протокол заседания президиума Узсовпрофа от 13.IX 1973 г.

⁷ Там же. Протокол заседания президиума Узсовпрофа от 15.II 1974 г.

⁸ Там же.

⁹ Берхин И. Б. Создание развитого социалистического общества. М., 1975, с. 158.

¹⁰ «Ферганский текстильщик», 1974 г., 11 января.

нятии на всех промышленных предприятиях повышенных социалистических обязательств и встречных планов на четвертый год пятилетки»¹¹.

Одобренные ЦК КПУз высокие обязательства стали для коллектива Ферганского текстильного комбината боевой программой действий. Во всех подразделениях комбината развернулась борьба за выполнение обязательств, принятых в честь золотого юбилея республики и Компартии Узбекистана. Благодаря техническому перевооружению и рационализации производственных процессов, массовому социалистическому соревнованию коллектив комбината досрочно, 22 декабря 1974 г., выполнил свои обязательства. Сверх плана было реализовано продукции на 2374 тыс. руб. Вся сверхплановая продукция выпущена за счет сэкономленных хлопка, пряжи, электроэнергии¹².

Почин ферганских текстильщиков нашел горячую поддержку в трудовых коллективах Андижанской, Бухарской, Ташкентской и других областей. Так, в 1974 г. 29 предприятий Андижанской области, работая по встречным планам, выпустили на 9 млн. руб. сверхплановой продукции. Особенно высоких результатов добились коллективы машиностроительного завода, швейной фабрики им. Володарского и др.¹³ В Бухарской области из 92 промышленных предприятий в 1974 г. по встречным планам работали 43. Они выпустили сверх государственного плана продукции на 14,6 млн. руб.¹⁴

Всего в 1974 г. коллективы 684 объединений, предприятий и хозяйственных организаций Узбекистана разработали и приняли повышенные встречные планы и, реализуя их, выпустили сверхплановой продукции на 100 млн. руб.¹⁵

Партийные, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные организации республики поддержали движение за принятие и реализацию повышенных встречных планов. В постановлении «О работе партийной организации Чирчикского электрохимкомбината по повышению роли трудового коллектива в производственной деятельности предприятия и коммунистическом воспитании трудящихся», принятом в марте 1974 г., ЦК Компартии Узбекистана подчеркнул необходимость всемерно поддерживать движение трудящихся республики за разработку и выполнение встречных планов на основе наиболее полного использования внутренних резервов производства¹⁶.

Благодаря неустанной организаторской, разъяснительной работе партийных и других общественных организаций Узбекистана принятие встречных планов превратилось в подлинно массовое движение. В 1975 г. по встречным планам работали свыше 760 предприятий. Они реализовали промышленной продукции на 160 млн. руб. сверх государственного плана¹⁷.

Партия высоко оценила опыт организации встречного планирования. Октябрьский (1976 г.) Пленум ЦК КПСС, подчеркивая важность этой формы соревнования, призвал ЦК Компартий союзных республик, краевые и областные комитеты партии, все партийные организации «уделить особое внимание принятию и реализации производственными коллективами встречных планов и повышенных социалистических обязательств»¹⁸.

В десятой пятилетке движение за принятие и реализацию встречных планов получило еще более широкий размах. В целом по стране коллективами, принявшими встречные планы, было дополнительно реализовано продукции почти на 13 млрд. руб.¹⁹

Воодушевленные решениями XXVI съезда КПСС сотни коллективов промышленных предприятий республики в первом году 11-й пятилетки разработали и успешно выполнили повышенные встречные планы, направленные на улучшение качественных показателей производства. Так, коллектив Чирчикского производственного объединения «Электрохимпром» решил выработать сверх плана 10 тыс. т аммиака, 40 тыс. т минеральных удобрений; повысить производительность труда на 37,4% и за счет этого обеспечить 95% прироста объема производства; получить 300 тыс. руб. сверхплановой прибыли²⁰. Встречный план коллектива Хивинского коврового комбината предусматривал выработать продукции сверх плана на 350 тыс. руб., в том числе 9 тыс. м² ковров и ковровых изделий, 16 т полушерстяной пряжи; на основе повышения эффективности производства и качества работы перевыполнить на 6% задание по росту производительности труда, условно высвободить не менее 60 человек²¹. Принятые обязательства были с честью выполнены.

Еще большее распространение получило принятие встречных планов в 1982 г., в честь приближающегося 60-летия образования СССР. Сейчас эти планы успешно

¹¹ «Правда Востока», 1974 г., 17 января.

¹² «Ферганский текстильщик», 1975 г., 17 января.

¹³ Текущий архив Андижанского облсовпрофа. Материалы производственного отдела за 1971—1975 гг.

¹⁴ Текущий архив Узсовпрофа. Материалы отдела производственной работы за 1971—1975 гг.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Коммунист Узбекистана», 1974, № 3, с. 9.

¹⁷ Текущий архив Узсовпрофа. Материалы отдела производственной работы за 1976 г.

¹⁸ «Правда», 1976 г., 27 октября.

¹⁹ «Правда», 1982 г., 17 марта.

²⁰ «Правда Востока», 1981 г., 9 января.

²¹ «Правда Востока», 1981 г., 17 января.

реализуются, о чем свидетельствует, в частности, выполнение промышленностью УзССР плана I квартала 1982 г. по реализации продукции на 102%²². Значимость принятия и реализации встречных планов была особо отмечена на XVII съезде профсоюзов СССР²³.

Таким образом, встречные планы выступают одной из наиболее важных форм массового социалистического соревнования, нацеленного на успешное выполнение заданий пятилетки, решение актуальных экономических и социальных проблем, выдвинутых XXVI съездом КПСС.

М. Султанов

²² «Правда Востока», 1982 г., 25 апреля.

²³ «Правда», 1982 г., 17 марта.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В УЗБЕКИСТАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С первых дней существования Советской власти Коммунистическая партия и Советское правительство уделили огромное внимание вопросам образования, подготовки кадров, особенно высшей квалификации, от решения которых зависели подъем культурного уровня народа, развитие науки и техники, рост производительности труда. В. И. Ленин еще в сентябре 1917 г. писал: «...Нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода...»¹

Создание многонационального отряда советской интеллигенции явилось одним из величайших завоеваний социализма, культурной революции, воплощенном в жизнь ленинской национальной политики КПСС. «Из глубин народа,—говорил Л. И. Брежнев,—вышла новая, социалистическая интеллигенция, которая прославилась Родину выдающимися достижениями науки и техники, литературы и искусства»².

Узбекистан, как и другие республики Советского Союза, сумел в исторически кратчайшие сроки преодолеть вековую культурную отсталость, ликвидировать массовую неграмотность населения и создать многочисленные кадры квалифицированных специалистов.

Уже к началу Великой Отечественной войны в Узбекистане насчитывалось более 20 тыс. специалистов с высшим образованием, которые успешно трудились на всех участках хозяйственного и культурного строительства. Для подготовки их была создана широкая сеть высших учебных заведений. В 1940/41 учебном году в 30 вузах республики обучалось свыше 19 тыс. человек³.

Не ослабло внимание к работе высшей школы и в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Потребность в кадрах для тыла и фронта возросла, острее стала проблема подготовки специалистов различного профиля. Между тем многие вузы центральных городов временно были закрыты, часть из них эвакуированы в восточные районы страны. Поэтому значительно возвысилась роль Узбекистана и других тыловых районов в подготовке дипломированных специалистов.

Высшие учебные заведения Узбекистана, как и всей страны, в годы войны испытывали серьезные трудности. Многие студенты и преподаватели ушли в ряды Красной Армии. Количество студентов, обучавшихся в САГУ (ныне ТаШГУ им. В. И. Ленина), педагогических и учительских институтах республики, в 1941/42 учебном году сократилось почти вдвое по сравнению с довоенным 1940/41 учебным годом⁴. Значительно сузилась материальная база учебных заведений в связи с передачей многих зданий и оборудования вузов для размещения эвакуированных в Узбекистан промышленных предприятий, госпиталей и т. д.

Преодолевая трудности военного времени, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд важных мер, направленных на развитие высшего образования и улучшение материально-технической базы вузов. Большое значение имело постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 5 мая 1942 г. «О плане приема в вузы в 1942 году и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений»⁵. С 1942/43 учебного года занятия в вузах стали проводиться по нормальным планам, было запрещено сокращать сроки обучения. Новые правила приема в университеты, утвержденные в 1942 г., открыли перед молодежью более широкие возможности для получения высшего образования. В вузы стали приниматься без вступительных экзаменов отличники и лица, окончившие в 1941—1942 гг. среднюю школу с оценками «хорошо» и «отлично». С мая 1942 г. начали выплываться стипендии студентам, демобилизованным из рядов Красной Армии и Военно-Морского Флота по ранению или болезни⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 312.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 6. М., 1978, с. 580.

³ Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975, с. 21.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 185, д. 95, л. 79.

⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. (в шести томах). Т. III. М., 1965, с. 543.

⁶ Там же, с. 544.

Постоянная забота партии и правительства о высшей школе положительно сказалась и на работе вузов Узбекистана. Это можно проследить на примере Среднеазиатского государственного университета. Так, в 1942/43 учебном году в САГУ было принято более 600 студентов вместо 420 человек по плану⁷. Если в 1941/42 гг. там было 37 кафедр, то в 1944/45 гг. их стало 55⁸. В годы войны в университете были созданы новые факультеты: филологический, восточный, географический.

В 1945 г. на 8 факультетах дневного отделения САГУ занимались 1254 студента, из них 851 женщина, на заочном отделении — 495, а на подготовительном отделении обучалось 120 человек из местных национальностей⁹. Значительно улучшился качественный состав преподавателей университета. К концу войны среди 246 преподавателей было 42 профессора, 99 доцентов, а в составе профессоры — 9 академиков и членов-корреспондентов АН СССР и АН УзССР, 15 заслуженных деятелей науки Узбекской ССР. В их числе были такие известные ученые, как: М. С. Андреев, Е. Э. Бертельс, Н. А. Кейзер, А. А. Семенов, А. С. Уклонский, И. П. Цукерваник, Т. А. Сарымсаков, В. И. Романовский, А. Ю. Якубовский, С. У. Умаров, Н. Н. Назаров и др.

За годы войны университет подготовил 820 молодых специалистов¹⁰.

В укреплении и развитии высшего образования в Узбекистане в годы войны важную роль играли эвакуированные в республику крупные ученые Москвы, Ленинграда и других центральных городов страны, работавшие в вузах и институтах Академии наук СССР.

В течение осени 1941 — начала 1942 г. в Узбекистан было эвакуировано 31 высшее учебное заведение, которые в основном были размещены в Ташкенте и Самарканде¹¹. Вузы Узбекистана провели большую работу по их приему и устройству.

Многие эвакуированные институты были объединены с республиканскими вузами и между собой. Так, Московский текстильный институт объединился с Ташкентским, Московский гидромелиоративный и Харьковский институт механизации сельского хозяйства — с Ташкентским институтом ирригации и механизации сельского хозяйства, Ленинградская консерватория — с Ташкентской. Одно учебное заведение было создано на базе Московского, Киевского и Харьковского художественных институтов.

В октябре 1941 г. Среднеазиатский индустриальный институт (САИИ) слился с Киевским индустриальным институтом (КИИ) и превратился в крупнейшее техническое учебное заведение страны, готовившее кадры высококвалифицированных инженеров для ведущих отраслей промышленности. К началу 1941/42 учебного года в его составе было 6 факультетов и 58 кафедр, на которых вели преподавание и большую научно-исследовательскую работу 220 преподавателей, в том числе два академика АН УССР, 5 членов-корреспондентов и более 30 профессоров. Весь первый учебный год прибывало в САИИ пополнение из технических вузов Харькова, Минска, Ленинграда, Одессы. В результате контингент студентов института вырос до 2,5 тыс. человек¹².

В САИИ была организована подготовка специалистов по таким дефицитным специальностям, как технология машиностроения, машин для литейного производства и литейного дела, кузнечно-прессовых машин и обработки металла давлением, технологии органических красителей и промежуточных продуктов, разработки угольных месторождений¹³.

В связи с широким развитием в Узбекистане гидротехнических сооружений и строительством новых мощных ГЭС потребовалось большое количество инженерных кадров гидрологов. Для решения этой задачи в ноябре 1942 г. при Среднеазиатском индустриальном институте был организован гидротехнический факультет. С 1943/44 учебного года в САИИ началась подготовка специалистов по черной металлургии и была возобновлена подготовка архитекторов¹⁴.

На первые курсы всех факультетов САИИ в 1943/44 учебном году было принято 915 человек, вместо 885 по плану¹⁵. Более 1200 специалистов выпустил институт только в 1942—1944 гг., причем 120 инженеров были подготовлены по тем специальностям, которым до войны здесь не обучали¹⁶.

Компартия Узбекистана и правительство республики осуществляли различные мероприятия, направленные на укрепление и развитие высшего образования и подготовку кадров для всех отраслей народного хозяйства и культуры. Например, с 1943/44 учебного года в Ташкентском текстильном институте была организована подготовка инженеров-механиков по первичной обработке хлопка¹⁷. Институт готовил инженеров по механическому и энергетическому оборудованию текстильных предприятий, инженеров-технологов по прядению и ткачеству, инженеров-экономистов

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 8080, оп. 1, д. 477, л. 4.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 21, д. 209, л. 106.

¹⁰ Ташкентский Государственный университет им. В. И. Ленина. Ташкент, 1970, с. 90—91.

¹¹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 17, д. 904, л. 61.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 2893, л. 32.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, д. 2115, л. 168.

¹⁵ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 934, л. 75.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 8080, оп. 14, д. 2912, л. 36.

¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 43, д. 2118, л. 41.

для всех среднеазиатских республик. Контингент студентов в 1944 г. значительно увеличился и составил 528 человек¹⁸.

Плодотворную работу по подготовке специалистов железнодорожного транспорта вел Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта. Только в 1942 г. он выпустил 139 специалистов, а всего в нем обучалось тогда около 1000 студентов¹⁹.

Серьезное внимание уделялось подготовке специалистов сельского хозяйства, которых выпускали три высших учебных заведения — Ташкентский и Самаркандский сельскохозяйственные институты и Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства. Только за 1941—1943 гг. было подготовлено 660 агрономов и ветврачей. Специалистов сельского хозяйства готовила и Московская ордена Ленина Сельскохозяйственная Академия им. К. А. Тимирязева, находившаяся во время эвакуации в Самарканде. В 1942/43 учебном году Академия выпустила 203 квалифицированных специалистов. На курсах при Академии было подготовлено и переподготовлено свыше 200 агрономов для свеклосеющих районов²⁰.

В годы войны значительно увеличилась потребность в медицинских кадрах. В связи с этим возросла и роль Ташкентского медицинского института. Он объединял 36 кафедр и клиник, где работало 320 преподавателей и научных сотрудников и 124 врача-ординатора. В 1944 г. там обучалось 3168 студентов — на 885 человек больше, чем в довоенном 1940 г.²¹ Всего за время войны ТашМИ подготовил 2122 врачей; многие из них были направлены на фронт и в освобожденные от немецких оккупантов районы страны.

Самаркандский медицинский институт им. И. П. Павлова выпустил за эти годы более 950 врачей²².

Большая работа велась в Узбекистане и по подготовке педагогических кадров. В основу ее были положены такие важнейшие решения партии и правительства, как постановление СНК СССР от 23 июля 1943 г. «О подготовке национальных педагогических кадров в Узбекистане» и постановление ЦК КП(б) Уз и СНК УзССР от 1 ноября 1943 г. «Об улучшении подготовки педагогических кадров»²³. Сугубое внимание уделялось подготовке учителей из местных национальностей, особенно девушек-узбечек. В этих целях с 1 сентября 1943 г. Ташкентский педагогический и учительский институты и Кокандский учительский институт были преобразованы в женские институты. В результате число женщин, обучавшихся в вузах, значительно увеличилось. В 1943/44 учебном году они составили 80% общего числа студентов против 50% в 1940/41 учебном году²⁴.

В 1944 г. был восстановлен Узбекский государственный университет в Самарканде и открыты новые педагогические (в Каракалпакской АССР и Хорезмской области) и учительские (в Намангане и Маргилане) институты.

Таким образом, в 1944/45 учебном году педагогические кадры в республике готовили два университета, 5 педагогических институтов, 10 учительских и 1 вечерний пединститут; количество педагогических учебных заведений в УзССР увеличилось на 5 по сравнению с 1941/42 учебным годом²⁵.

За 1941—1944 гг. в педагогических вузах было подготовлено около 3,5 тыс. преподавателей, а в 1945 г. — еще более 900 человек²⁶. Однако проблема обеспечения школ республики учительскими кадрами с высшим образованием не была полностью решена, ибо много учителей и выпускников вузов были призваны в ряды Красной Армии, а подготовка новых кадров не успевала за быстрым ростом семилетнего и среднего образования в республике.

Одной из важных форм подготовки педагогических кадров и повышения их квалификации является система заочного образования, которая в предвоенные годы получила широкое развитие. В 1940 г. на заочных отделениях обучалось 1,8 тыс. человек²⁷. В начале войны заочное обучение было снято с финансирования и фактически свернуто. Однако, как показала жизнь, в условиях военного времени систему заочного образования надо было не только сохранить, но и значительно расширить. После выхода в свет постановления СНК СССР от 18 декабря 1943 г. «О мероприятиях по укреплению системы заочного педагогического образования»²⁸ был установлен план приема на заочные отделения педвузов до 6,5 тыс. человек²⁹. Заочное обучение восстанавливается и в других высших учебных заведениях республики.

В годы войны дальнейшее развитие получила и подготовка творческих кадров. Значительно улучшилась работа Ташкентской государственной консерватории, кото-

¹⁸ Там же, оп. 88, д. 236, л. 54.

¹⁹ Там же.

²⁰ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 19, д. 943, л. 191.

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 236, л. 54.

²² История Самарканда. В двух томах. Т. 2. Ташкент, 1970, с. 223.

²³ Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975, с. 119.

²⁴ Архив Минпроса УзССР, оп. 424, д. 201, л. 297.

²⁵ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 931, л. 96.

²⁶ Там же, д. 172, л. 44; «Правда Востока», 1943 г., 31 октября.

²⁷ Народное образование Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Ташкент, 1977, с. 28.

²⁸ Директивы ВКП(б) и Постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг. Вып. I. М.—Л., 1947, с. 214.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 8080, оп. 1, д. 1690, л. 1.

рой большую помощь оказала находившаяся тогда в Ташкенте Ленинградская государственная консерватория с ее выдающимися музыкантами. Консерватория подготовила много композиторов, музыкантов, пианистов, режиссеров, дирижеров, певцов для театров, музыкальных учреждений всех республик Среднеазиатского региона. Но потребность в художественных кадрах росла, поэтому в целях развития национального искусства народов Средней Азии и Казахстана в Ташкенте в апреле 1945 г. был открыт Государственный институт театрального искусства³⁰.

Партийная организация и правительство Узбекистана осуществили ряд мероприятий, направленных на улучшение работы вузов, особенно по охвату обучением молодежи местных национальностей. Дело в том, что на конец 1943 г. более чем в 40 вузах УзССР обучалось свыше 22 тыс. студентов, из них лица местных национальностей составляли всего 2673 человека (12%)³¹.

Для расширения подготовки специалистов местных национальностей при вузах были организованы подготовительные отделения, в комплектовании которых участвовали партийные, советские, комсомольские организации. В результате, например, в педагогических учебных заведениях студенты местных национальностей составляли в 1943 г. 25,2%, в 1944 г.—40,7%³², а в начале 1945 г.—41,5% всех студентов³³.

В 1944/45 учебном году в высших учебных заведениях УзССР число студентов местных национальностей увеличилось более чем в 2 раза по сравнению с 1943/44 г., и они составили уже 26,3% общего числа студентов³⁴.

Несмотря на трудности, вызванные войной, качество учебно-воспитательной работы в большинстве вузов значительно улучшилось. Благоприятное влияние на это оказали эвакуированные вузы, имевшие высококвалифицированные педагогические кадры, которые внесли большой вклад в подготовку специалистов различного профиля. Кроме того, ежегодно увеличивалось количество преподавателей, защитивших диссертации. Однако вузы испытывали острый недостаток в высококвалифицированных специалистах для преподавания в узбекских группах, особенно в сельскохозяйственных институтах, институтах ирригации и механизации, инженеров железнодорожного транспорта, текстильном.

Партия и правительство приняли ряд неотложных мер, направленных на подготовку высококвалифицированных преподавательских кадров, особенно из местных национальностей. Были значительно расширены аспирантура и докторантура. В 1944 г. при вузах республики обучался 321 аспирант, в том числе 159 узбеков. В докторантуре САГУ велась подготовка 25 докторов наук (в том числе 23 — из местных национальностей), 20 научных работников защитили докторские и 133 — кандидатские диссертации³⁵. В целом же по республике докторские и кандидатские диссертации защитили за годы войны около 450 работников высшей школы и научных учреждений. Это способствовало общему подъему не только учебно-воспитательной, но и научно-исследовательской работы в вузах УзССР.

Укреплялась связь высшей школы с практикой. Вузы республики оказывали большую помощь промышленным предприятиям, колхозам, совхозам, новостройкам в выполнении напряженных народнохозяйственных планов. Самоотверженно работали студенты и преподаватели на важнейших народных стройках — Ташкентском, Сох-Шахимарданском каналах, Саларской, Бозсуйской, Фархадской гидроэлектростанциях и др.

Например, студенты и преподаватели САГУ в 1943—1944 гг. вынули на строительстве СаларГЭС более 8 тыс. м³ грунта. В 1944 г., включившись в общенародный поход за подъем хлопководства, они усилили шефскую работу в колхозах Ташкентской области, помогали колхозникам в уходе за хлопчатником, уборке урожая. В 1944 г. ими было выработано 7130 трудодней вместо 3000 по обязательству³⁶. Так же активно трудилась студенческая молодежь других вузов. Заработанные средства передавались в фонд обороны страны.

Профессорско-преподавательский состав и студенты высших учебных заведений активно участвовали и в общественно-политической жизни республики. Они выступали пропагандистами политических и научных знаний среди трудящихся, давали концерты художественной самодеятельности, оформляли стенные газеты и средства наглядной агитации в госпиталях, на предприятиях, в колхозах и совхозах, собирали металлолом, готовили подарки для воинов Советской Армии и т. д.

Таким образом, благодаря повседневной заботе партии и правительства о высшей школе, несмотря на все трудности военного времени, высшее образование в Узбекской ССР получило дальнейшее развитие. В годы Великой Отечественной войны Узбекистан стал подлинной кузницей подготовки высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства, науки и культуры не только самой республики, но и всей страны. Свыше 10 тыс. специалистов было выпущено вузами УзССР только за первые два с половиной года войны — больше, чем за три предвоенных года³⁷.

Своим творческим трудом они внесли достойный вклад в общее дело Победы, дальнейшее развитие экономики и культуры республики.

Т. В. Гольянова

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 2087, оп. 1, д. 180, л. 56.

³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 628, л. 90.

³² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 931, л. 96.

³³ ЦГА УзССР, Р-94, оп. 5, д. 4729, л. 73.

³⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 20, д. 172, л. 45.

³⁵ Там же.

³⁶ Ташкентский Государственный университет им. В. И. Ленина. с. 87—88.

³⁷ «Правда Востока», 1943 г., 31 октября.

XX АСР БОШЛАРИДА ФАРҒОНА ВОДИЙСИДА ПАХТАЧИЛИКНИНГ РИВОЖЛАНИШИ ТАРИХИДАН

XX аср бошларида Туркистонда, жумладан Фарғона водийсида пахтачиликни ривожлантириш чоризмининг асосий иқтисодий сиёсатларидан бири бўлиб қолди. Шу мақсадда агрономик ишларни жонлантириш, пахтачилик районларини темир йўллар билан боғлаш, ирригация иншоотларини жонлантириш ва янги ерларни ўзлаштириш, савдо-саноат биржаларини ташкил этиш каби ишлар амалга оширилди.

1906 йилда маҳаллий савдогарлар ва рус капиталистларининг талаби билан Қўқон биржа комитети очилди. Бу комитет Москва пахтачилик комитетининг филиали бўлиб, бутун Фарғона водийсидаги пахтачилик ташкилотлари бошқармаларини ўз қарамоғига бирлаштирди. Шундан бошлаб рус капиталистлари ва ўсиб келаётган маҳаллий буржуазия вакиллари ўз фаолиятларини комитет раҳбарлиги остида амалга ошира бошладилар.

Қўқон биржа комитети Фарғонада етиштирилган пахтани сотиб олиш, келгуси пахта учун аҳолига бериладиган кредитларни тартибга солиш ишлари билан шуғулланди. Комитетнинг бевосита фаолияти натижасида 1906 йили Туркистонда 15 та Россия банки филиали ташкил этилди. 1906—1914 йилларда бундай филиаллар 31 тага¹ етказилди. Булардан ташқари, хусусий банклар ташкил этилиб, 1900 йилда уларнинг сони бутун Туркистонда 7 та эди. 1915 йили бундай банкларнинг 16 таси Фарғона областида ташкил этилди. Банкларнинг коммерция кредит имкониятлари 105,1 миллион бўлиб, жумладан Фарғонадаги 16 банкни кредит имкониятлари 51 миллион сўми ташкил этарди².

1904 йилда Москва биржа комитетида махсус комиссия тузилиб, бу комиссия ўзлаштириладиган ерларнинг планини ишлаб чиқишни кўзда тутарди. Комиссия Нории, Қорадарё ўрталигидаги 22000 десятина ерни канал йўли билан, 18000 десятина ерни насос йўли билан сугориш мумкинлигини тасдиқлади. Андижондан Мельниково станциясигача 200 чақирим канал ўтказиб, 150—200 минг десятинага яқин ерни (Андижон, Скобелев, Қўқон уездлари) сугоришни кўзда тутди³. Булардан ташқари, ер тузилиши бошқармасининг бошлиғи А. Кривошеин ўз докладида «Москва фабрикаларининг 26 тасидан Фарғона областида 38000 десятина, кейинроқ 200000 десятина ерни ўзлаштириш тўғрисида ариза тушди, уларнинг илтимосларини дарҳол инobatга олиш кераклигини таъкидлаган эди.

1904—1910 йилларда Марказий ер бошқармасининг махсус топшириғи билан агроном Малик Саркисьян Фарғонага келиб, Езёнов қўлида 120000 десятина ерни ўзлаштириш мумкинлигини тасдиқлайди⁴. М. Саркисьян лойиҳасида яқин келажакда аввал 16 000 десятина, кейинроқ 40 000 десятина ерни ўзлаштириш кўзда тутилди⁵.

XX асрнинг бошларида капиталистик доиралар Фарғонадаги чўл ерларни ўзлаштириш бўйича йирик планлар билан чиқа бошладилар. Масалан, Москванинг бир гуруҳпа капиталистлари Сирдарё бўйларида 110 000 десятина ерни давлат ҳисобидан ерлардан, 140 000 десятина хусусий ерлардан, ҳаммаси бўлиб 250 000 десятина ерни ўзлаштириш масаласини кўтариб чиқишди⁶.

1912 йилда москвалик йирик капиталист Кузнецов Ер министрлигидан Фарғона областида 240 000 десятина ерни ўзлаштиришга рухсат олади⁷. Шу йили янги ерларни ўзлаштириш масаласи бўйича ўлкага йирик подшо чиновниклари: йўл министрлиги, ҳарбий министр, ер қурилиши бўйича бош қўмондон ва бошқа вакиллар келди⁸. Бу вазифани амалга ошириш учун жуда катта капитал жамғариш керак эди. Янги ерларни ўзлаштириш масаласи 1912 йили Давлат Думасида кўриб чиқилди⁹. Бироқ янги ерларни ўзлаштиришга катта маблағ кераклиги, ўзлаштириш соҳасида етарли тажриба бўлмаганлиги сабабли кўриладиган тадбирлар қоғозда қолиб кетарди. Лекин ирригация қурилишининг умумий якуни талаб ва эҳтиёжларга қараганда жуда оз миқдорда амалга оширилган бўлса-да (1917 йилгача Туркистон бўйича 45 минг десятина ер ўзлаштирилган, холос), умуман янги ерларни ўзлаштиришга бўлган қизиқиш, сугоришни техника усулида олиб бориш, булар — янги ерларни ўзлаштиришдаги биринчи қадамлар бўлиб, ўз даврига нисбатан катта аҳамиятга эга бўлди, пахтачиликнинг ривожланишига ижобий таъсир кўрсатди.

XX асрнинг бошларига келиб маҳаллий пахта навлари ўрнини ёппасига Америка пахта навлари эгаллаб бошладилар. Масалан, 1889 йилда Америка навлари экилган майдонлар Фарғона пахта майдонларининг $\frac{1}{6}$ қисмини ташкил этган бўлса, 1913 йилда Америка навлари билан экиладиган пахта майдонлари 34,7 минг десятинадан

¹ Малинин В. Н. Развитие хлопководства и положение дехканства в дореволюционном Туркестане.— Труды Института экономики АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1952, с. 31.

² ЦГА УзССР, ф. И-90, оп. 1, д. 75, л. 354.

³ ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 2859, л. 13.

⁴ Уша жойда, л. 13.

⁵ Уша жойда, д. 2864, л. 114.

⁶ Уша жойда, д. 2875, л. 119.

⁷ Уша жойда, д. 2890, л. 130.

⁸ Уша жойда, д. 2874, л. 141.

⁹ Уша жойда, д. 2876, л. 124.

¹⁰ Уша жойда, л. 127.

247,9 минг десятинага, яъни 700 процентга ўсди¹¹. Масалан, Фарғона областидаги сугориладиган ер майдонининг 31 процентига Америка навлари экила бошлади. Америка навлари экилган пахта майдонларининг ўсиши ва шу навлардан олинаётган ялли пахта маҳсулоти бўйича ҳам Фарғона области 1900 йиллардан бошлаб Туркистонда етакчи ўринни эгаллай бошлади.

1915 йилда Фарғона пахта майдонлари 329 000 десятинани, бутун сугориладиган ерларнинг 48 процентини ташкил этди¹². Қисқа вақт ичида — 1913—1916 йилларда пахта майдонлари 17 процентга ошди. Бундай шароитни биз қуйидаги фактлардан кўришимиз мумкин: Андижон уездида — 62,4 процент, Скобелев уездида — 57,7 процент, Наманган уездида — 42,2 процент ва Қўқон уездида 45,8 процентни ташкил этган¹³.

Пахта майдонларининг бошқа қишлоқ хўжалик ўсимликларига нисбатан олганда пахта Фарғонанинг 6 волостида — 80 процент, 8 волостида — 60 процент, 11 волостида — 50 процент, 17 волостида — 40 процент, 16 волостида — 30 процент ва

1-жадвал

Йиллар	Америка пахта навлари	Маҳаллий пахта майдони	Пахтанинг умумий ер майдони	Йиғиб олинган ҳосил пулларда
1903	136656	12400	149056	10818000
1906	177819	12000	189819	13383875
1909	197053	11000	208053	19288254
1912	246566	9000	255566	19234200
1915	329526	7000	336526	20240200

қолган волостларда — 25—30 процентни ташкил этган¹⁴. Фарғона областида пахта майдонларининг динамик ўсиши, айниқса, Америка нави экилган пахта майдонларининг ўсиб бориши, маҳаллий нав пахта майдонларининг қисқариб боришини қуйидаги фактлардан кўриш мумкин (1-жадвал).

Бу рақамлардан пахта майдонларининг ўсиши билан пахтанинг ялли маҳсулоти ҳам ошиб борганлиги кўришиб турибди.

Агар Фарғона области уездаридаги пахта майдонларини бир-бирларига қиёслайдиган бўлсак, бу даврда уездлар ичида пахтачилик соҳасида Андижон уезди етакчи бўлганлигини кўрамиз. Айниқса бу уездда Америка нави экилган пахта май-

2-жадвал

Йиллар	Марғилон уезди	Қўқон уезди	Андижон уезди	Наманган уезди	Жами, десятина
1903	65500	30000	46200	38400	149056
1906	66796	34893	48216	39402	189819
1909	69175	36907	66471	390651	208053
1912	85800	46500	87800	45000	255566
1915	9706	48310	102962	45300	336526

донлари тез суръатлар билан ўса бошлади. Чунончи: «Упланд» нави пахта майдони 1907 йилда 55353 десятина бўлган бўлса, 1909 йилга келганда 65893 десятина¹⁵, 1910 йилда эса 68176 десятина, 1915 йилга келганда 102962 десятинага етиб¹⁶, Фарғона областидаги пахта ҳосилининг асосий қисмини бера бошлади. Масалан, 1911—1912 йилларда экилган пахта майдонидан 2508649 пуд ҳосил олинган бўлса, 1915—1916 йилларда 3100000 пуд ҳосил олинди¹⁷. Шу йилларда Андижон уездидаги сунъий сугориладиган 223319 десятина майдоннинг 46 процентига янги пахта навлари экила бошланди¹⁸. Шундай қилиб Андижон уездида пахта майдони Фарғона областидаги пахта майдонининг $\frac{1}{3}$ қисмини ташкил этиб областда етиштирилган умумий ҳосилнинг 61 процентини ташкил қилган.

Уездлар бўйича пахта майдонларининг динамик ўсиб боришини (1903—1915 йй.) 2-жадвалдан кўриш мумкин¹⁹.

Бу даврда янги пахта навлари ва пахта майдонларини кенгайтириш билан бирга пахтачиликда ҳосилдорликни кўтаришга алоҳида аҳамият берила бошланди.

Пахтачиликда пахтага ишлов бериш ва пахтани ўнгитлашга ХХ асрнинг бош-

¹¹ Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октябрьской революции. Ташкент, 1973, с. 29.

¹² ЦГИА СССР, ф. 404, оп. 1, д. 12, л. 19.

¹³ Журн. «Туркестанское сельское хозяйство», 1916, № 12, с. 81.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 404, оп. 1, д. 11, л. 41.

¹⁵ Уша жойда, д. 20, л. 2.

¹⁶ Уша жойда.

¹⁷ Уша жойда, д. 16, л. 3.

¹⁸ Уша жойда, д. 20, л. 2.

¹⁹ Уша жойда, л. 21.

ларигача кам аҳамият бериб келардилар. 1914—1915 йилларда сунъий ўғитлаш, техникадан фойдаланиш, аста-секин ижобий натижа бера бошлади. Пахтачиликни ривожлантиришнинг биринчи даврларида ўғит сифатида эски уйлар тупроғидан, чириндилардан, ҳайвонларнинг гўнгларида фойдаланган бўлсалар, биринчи Жаҳон уруши арафасида ўғит сифатида кунжарадан фойдаланила бошланди. Кунжара биринчи даврларда асосан чет элга чиқарилар эди. Шу билан бирга кунжара арзон нархда, яъни бир пуди 25—40 тийиндан сотилар эди. Маҳаллий харидорларга 40—60 тийиндан сотилар эди. Кунжаранинг пахтачиликда ишлатилиши натижасида унинг чет элга ва маҳаллий бозорларда сотиладиган нархи ҳам ошди. Масалан, 1915 йилда бир пуд кунжара чет элга 40—60 тийиндан сотиладиган бўлди²⁰. Тажриба станциялари томонидан ўтказилган текширишлардан кейин, кунжарадан ўғит сифатида кенг фойдаланадиган бўлдилар. Кунжарани қишлоқ хўжалигида ишлатилишнинг ўсиши натижасида чет элга экспорт қилиш ҳам қисқариб борди. Буни қуйидаги фактлардан кўриш мумкин: 1907 йилда — 1319902 пуд, 1908 йилда — 1039924 пуд, 1909 йилда — 1738407 пуд, 1910 йилда — 19711917 пуд, 1911 йилда — 1366528 пуд, 1912 йилда — 2220565 пуд, 1913 йилда — 840000 пудни ташкил этган²¹. 1913 йилдан бошлаб кунжара кенг кўламда пахтачиликда ўғит сифатида ишлатила бошланди. Биз буни юқоридаги рақамлардан ҳам кўриб турибмиз. 1913 йилда Марғилон уездининг Олтиариқ пахтачилик тажриба участкасида қилинган тажриба шуни кўрсатдики, ўғитсизланган бир десятина ердан 60 пуд ҳесил олинган бўлса, кунжара билан ўғитланган 1 десятина ердан 93 пуд пахта ҳосили олинган²².

1914 йил декабрида пахтачилик йиғилишида темир йўл вакиллари қуйидагиларни таъкидлайдилар: «Эндиликда кунжарани Болтиқ денгизининг рус портларига ва ғарбий қуруқликдаги транспорт чегараларига ташишни ман этиш керак, чунки кунжара Туркистон пахтачилигини ривожлантиришда маълум даражада аҳамиятга эга бўлиб бормоқда»²³. Кунжара ишлатишдан ташқари пахтачилик ва бошқа қишлоқ хўжалик маҳсулотларини етиштиришда суперфосфатдан фойдаланиш аста-секин пахтачиликда ҳам ишлатила бошланди. Масалан, Фарғонада 1909 йилда — 944 пуд, 1910 йилда — 2747 пуд, 1911 йилда — 5054 пуд, 1912 йилда — 7737 пуд, 1913 йилда — 10130 пуд, 1914 йилда — 147072 пудни ташкил этган, шундан 75 проценти пахтачиликда ишлатилган²⁴.

Рус саноатчилари биринчи Жаҳон уруши арафасида пахтачиликни ривожлантиришда муҳим тадбирлардан бири бўлган техника воситаларидан фойдалана бошладилар. 1914 йилда ўлкада 37 та ер ҳайдовчи ва дон тозаловчи машиналар мавжуд эди. Булардан 10 таси Фарғона областида, қолганлари Сирдарёда — 6 та, Самарқандда — 8 та, Закаспийда — 3 та, Етисуёда — 10 та эди²⁵. Бу машиналарни синовдан ўтказиш у учун 24 га кўргазмалли плантация ташкил этилди²⁶. Бундан ташқари 314 та шахсий хўжалик тажриба участкалари мавжуд бўлиб, булардан Скобелев уездида — 42 та, Ойим ва Сулонобод волостида — 17 та, Ултармада — 16 та, Қува ва Шаҳрихонда — 16 та, Бозорқўрғон ва бошқа волостларда мавжуд эди²⁷.

Қишлоқ хўжалик машиналарига бўлган талаб ва эҳтиёжнинг ортиб бorganлигини 1914 йилда давлат складларида сотилган техника воситаларини суммасидан ҳам билса бўлади. Шу йили шахсий хўжаликлар 405348 сўмлик техника асбоблари сотиб олган²⁸.

Бу даврда Фарғона области техника складларида техник воситаларининг турлари ва сонлари йилдан-йилга ошиб бorgan. Масалан, турли плуглар: 1912 йилда — 1483 та, 1913 йилда — 2225 та, 1914 йилда — 21203 та, 1915 йилда — 19769 та, 1916 йилда — 20132 та, бороналар: 1912—1916 йилларда — 2693 та, пахта сеякалари — 1324 та, культиваторлар — 1324 та бўлиб, давлат ва хусусий складлар оборотлари ҳар йили 2556 тага етган²⁹.

Юқоридаги рақамлар қишлоқ хўжалигида турли техника воситаларидан фойдаланиш йилдан-йилга ўсиб боришидан далолат беради.

Бироқ қишлоқ хўжалигида, шу жумладан пахтачиликда феодал ишлаб чиқариш қуроллари ҳамон ҳукмрон бўлиб қола берди.

Шундай қилиб, XX асрнинг бошларида Фарғона области Россиянинг асосий пахта базасига айлантирилди. Революция арафасида Туркистон пахтаси Россиянинг тўқимачилик саноатини 50—60 процентини қондириш даражасига етди. Шу пахтанинг 80 процентини Фарғона области етиштира бошлади. Фарғона пахтачиликнинг ривожланиши, ўз навбатида, қишлоқ хўжалигининг бошқа соҳаларига ҳам маълум даражада таъсир қилди.

Бироқ, чоризмнинг мустамлакачилик снәсати пахтачиликнинг кенг кўламда ва мунтазам ривожланишига катта тўсқинлик қилди.

И. Усмонов

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 34455, л. 21.

²¹ Труды хлопкового совещания, 27—29 декабря 1914 г. Ташкент, 1915, с. 51.

²² Обзор Ферганской области за 1913 г. Скобелев, 1916, с. 22.

²³ ЦГИА СССР, ф. 404, оп. 1, д. 214, л. 141.

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 404, оп. 1, л. 144—147.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 963, л. 35—37.

²⁶ Уша жойда, д. 1221, л. 24—26.

²⁷ Уша жойда, л. 26—28.

²⁸ Уша жойда, д. 1222, л. 34—35.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. И-90, оп. 1, д. 214, л. 47.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ ТЕТРАДРАХМА ДЕМЕТРИЯ ИЗ ДОЛИНЫ ЗАРАФШАНА

«Находки монет греко-бактрийского чекана на территории Советской Средней Азии хотя и составляют обычное явление, но происходят не так уж часто»¹. Написанные 50 лет назад, эти слова остаются совершенно справедливыми и сегодня, когда многочисленные археологические экспедиции постоянно ведут раскопочные работы и обнаруживают ежегодно десятки (а то и сотни) монет разных эпох. Поэтому каждая новая хорошо документированная находка греко-бактрийских монет представляет большой научный интерес.

Весной 1981 г. при земляных работах на холме Кургантепа (колхоз им. Ленина Пастдаргомского района Самаркандской области) была случайно найдена крупная серебряная греко-бактрийская монета, которая поступила к проф. Т. Саидулоу и была передана им в Институт археологии АН УзССР.

Кургантепа — небольшой памятник, расположенный в 16 км к западу от Самарканды, между двумя крупными городищами, Дурмантепа и Санчкултепа, обживание которых восходит к эпохе античности. От него уцелел лишь небольшой останец, менее 10 м в поперечнике и высотой до 2,5 м. Собранный здесь подъемный керамический материал разновременен: от II—I вв. до н. э. до периода развитого средневековья.

Найденные тут же медные монеты относятся к саманидскому (X в.) и тимуридскому (XV в.) времени.

Приводим описание греко-бактрийской монеты.

Аверс — драпированный бюст царя вправо; на голове — лента-диадема, один из свободных концов которой свисает (от узла на затылке) вниз, а другой изогнут дугой. Поле монеты обрамляет ободок из точек (его остатки видны справа сверху — от XII до III часов). Волосы царя разделены на крупные локоны, черты лица (насколько сохранность монеты позволяет судить о возрастных признаках) — юношеские или, во всяком случае, принадлежащие молодому человеку.

Реверс — стоящая в фас богиня Афина-Паллада. В правой руке, согнутой в локте и поднятой вверх, она держит длинное копье; левой рукой, опущенной вниз, опирается на стоящий вертикально (у левой ноги) щит. Под ногами черта. Справа и слева — греческая легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ — «царя Деметрия». Слева (у правой ноги Афины) — монограмма, составленная из букв *ли* и *альфа*. Справа от головы Афины (над левым плечом) — отдельно стоящая *дельта*. Вес монеты — 16,15 г; диаметр — 30 мм; соотношение осей — XII.

Монета определяется как тетрадрахма греко-бактрийского царя Деметрия и является первой находкой тетрадрахм этого царя, зарегистрированной в Средней Азии. В Музее истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека (Ташкент) хранится беспаспортный экземпляр тетрадрахмы Деметрия со стоящей Афиной на реверсе (№ 155/156, вес 16,27 г). В других музеях Средней Азии, Москвы и Ленинграда таких монет нет. Ранее во всех зарубежных нумизматических собраниях насчитывалось не более пяти таких тетрадрахм (3 экз. — в Британском музее, 1 экз. — в Калькуттском музее). В настоящее время эти монеты уже не могут считаться очень редкими: в Кундузском кладе, найденном в 1946 г. в Северном Афганистане, на городище Хишттепе (на южном берегу Амударьи, примерно против впадения в Амударью с севера р. Кафиринган), имелось 50 тетрадрахм со стоящей Афиной на реверсе, чеканеных от имени Деметрия².

Монеты Деметрия со стоящей Афиной на реверсе пытались рассматривать как чекан «Деметрия II»³, а в качестве монет «Деметрия I» при этом фигурировали экземпляры с изображением на аверсе царя в шлеме, украшенном слоновьим скальпом, а на реверсе — стоящего Геракла, возлагающего себе на голову венки⁴. Серьезные доводы, приведенные А. Д. Биваром⁵, В. М. Массоном⁶ и, наконец, Ж. Фуссманом⁷ против разделения монет с именем Деметрия между двумя царями-тезками, позволяют, видимо, считать вопрос о существовании «Деметрия II» окончательно «закрытым». Но если рассматривать различия между монетами Деметрия со стоящей Афиной, с одной стороны, и с венчающим себя Гераклом, — с другой, под углом зре-

¹ Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. — «Материалы Узкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1933, с. 7.

² Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz. Paris, 1965 (MDAFA t. XX), nos. 34—83; Зейм аль Е. В. Кундузский клад греко-бактрийских монет. — ВДИ, 1967, № 1, с. 160—165.

³ Macdonald G. Cambridge History of India. Vol. I. Ancient India. Cambridge, 1922, p. 448; Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951 (2d ed.), p. 77—78, 139; Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957 p. 50, 52, 62; Lahiri A. N. Corpus of Indo-Greek coins. Calcutta, 1965, p. 109—110

⁴ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, с. 123—125, табл. 36, 5, 6.

⁵ Bivar A. D. H. The Bactra coinage of Euthydemus and Demetrius. The Numismatic Chronicle. Ser. VI, vol. XI. 1951, p. 29.

⁶ Массон В. М. Деметрий Бактрийский и завоевание Индии. — ВДИ, 1961, № 2, с. 41—44.

⁷ Curiel R., Fussman G. Le trésor..., p. 75—76.

ния относительной хронологии выпусков (в пределах правления одного царя), можно несколько уточнить датировку публикуемой здесь тетрадрахмы.

Античные авторы сообщают о завоеваниях Деметрия в Индии (Strabo, XI, 11, 1) и даже называют его «царем индов» (Just., XLI, 6), что вполне согласуется с наличием среди его монет двуязычных — с греческой легендой на аверсе и с индийской легендой письмом кхарошти на реверсе. Известно о существовании города Деметрия (в Арахозии), видимо, основанного этим царем. Сохранился и рассказ о том, как в 206 г. до н. э. юный Деметрий был представлен селевкидскому царю Антиоху III: греко-бактрийский царь Эвтидем, длительное время осажденный селевкидским войском в Бактрах, «послал сына своего Деметрия привести переговоры к концу. Царь [Антиох III.— Авт.] принял его ласково и нашел, что юноша по наружному виду и по прекрасному обращению достоин царского сана, поэтому, во-первых, обещал ему руку одной из своих дочерей, во-вторых, согласился удержать за отцом его царское звание. Прочие условия вошли в письменный договор, и клятвенный союз был заключен» (Polyb., XI, 34).

Видимо, тогда же (или вскоре после того, как Антиох III снял осаду) Деметрий принял царский сан и стал сопровителем своего отца. Можно полагать, что в это же время началась его монетная чеканка. Различия между монетами с именем Деметрия, породившие гипотезу о «Деметрии I» и «Деметрии II», вероятно, соответствуют двум разным периодам в чеканке этого царя. Поскольку тетрадрахмы со стоящей Афиной на реверсе изображают царя совсем мальчиком⁸, юношей⁹ и молодым¹⁰, но никогда — пожилым или зрелого возраста человеком, они должны рассматриваться как выпуски I периода. На монетах с изображением на реверсе венчающего себя Геракла царь Деметрий изображен или молодым человеком (но никак не юношей), или зрелым мужем, что вполне согласуется с отнесением их ко 2-му периоду.

С таким делением на два периода хорошо согласуются не только возрастные признаки в портрете царя, но и целый ряд других признаков. Так, серебряные монеты I периода (как и предшествующие им греко-бактрийские монеты Диодота и Эвтидема) выпускались только двух номиналов — тетрадрахмы и драхмы. Со второго периода чеканки Деметрия начинается выпуск обол (это были вообще первые греко-бактрийские оболы) — номинала, прочно вошедшего при последующих греко-бактрийских царях в практику их монетного дела.

Судя по монограмме (*ли* и *альфа* в нескольких вариантах комбинации), все монеты Деметрия, относящиеся к первому периоду¹¹, были чеканены, в полном соответствии с его положением младшего сопровителя, на одном монетном дворе, тогда как монеты второго периода, даже если не принимать во внимание индийские выпуски с именем Деметрия (с добавочным эпитетом в греческой титулатуре ΑΝΙΚΗΤΟΥ и в индийской ararajitasa — «непобедимого») ¹², чеканены не менее чем на трех разных монетных дворах¹³. Более развитой предстает перед нами и иконография царского портрета на монетах второго периода, воспроизведенная впоследствии на так называемых коммеморативных монетах в честь Деметрия, чеканенных греко-бактрийскими царями Антимахом и Агафоклом.

Очевидно, чеканка монет от имени Деметрия могла начаться в 206 г. до н. э. или вскоре после этого. Если учитывать возрастные перемены в облике царя, засвидетельствованные монетами, первый период чеканки Деметрия должен был закончиться в первом десятилетии II в. до н. э. (или несколько позднее). Можно допустить, что дополнительная буква (справа от головы Афины, над ее левым плечом — на публикуемом экземпляре *дельта*) — цифровое или какое-то иное условное обозначение последовательности эмиссий на монетном дворе; тогда тетрадрахмы, на которых представлена *дельта*, должны быть выпущены позднее тетрадрахм, помеченных *гаммой* (№№ 60—72 в Кундузском кладе)¹⁴.

⁸ Curjel P., Fussman G. Le trésor..., Nos. 34—36.

⁹ Там же, 36—37, 49—54.

¹⁰ Там же, 59—83.

¹¹ На протяжении первого периода, помимо тетрадрахм, выпускались также драхмы и медные тетрагалки (аверс — круглый щит Афины с изображением головы Медузы-Горгоны, обрамленный рельефным бортиком; реверс — стоящий вертикально трезубец, легенда в монограмме. — См. Музей истории народов Узбекистана им. Айбека, № 155/14, вес — 20,85 г.).

¹² Не только место, но и время выпуска индийских двуязычных монет с именем Деметрия (они известны пока по единичным экземплярам) не может считаться твердо установленным. Не исключено даже, что они выпускались не самим Деметрием и не при его жизни, хотя сколько-нибудь подробно такая возможность еще не рассматривалась в существующей литературе. Ср.: Vivag A. D. N. The Bactra coinage...; Массон В. М. Деметрий Бактрийский...

¹³ отождествление этих монетных дворов с конкретными городами вызывает большие трудности, но различие между монетами разных дворов ощущается достаточно определенно.

¹⁴ Эмиссии, помеченные буквами *альфа* и *бета*, мы не знаем, но тетрадрахмы Деметрия первого периода, не имеющие никаких дополнительных помет (№№ 34—59 в Кундузском кладе), явно выпущены раньше эмиссий «гамма» и «дельта», поскольку

Хотя мы не знаем ни интенсивности, ни продолжительности выпуска каждой из этих эмиссий, приведенные выше соображения позволяют утверждать, что тетрадрахмы Деметрия со стоящей Афиной на реверсе, помеченные *дельтой* и, как правило, обнаруживающиеся в царском портрете на аверсе наибольшие признаки возмужания, должны относиться к самому концу первого периода, т. е. датироваться приблизительно концом первого десятилетия II в. до н. э.

Но означает ли это, что Кургантена, где монета была обнаружена, непременно содержит слои конца III — начала II в. до н. э.? Точные археологические обстоятельства находки и весь сопутствующий ей материал (т. е. археологический комплекс, к которому принадлежала монета) нам пока не известны. Но ни в долине Зарафшана, ни в других областях Узбекистана, где к настоящему времени зарегистрированы находки греко-бактрийских монет, ни вообще в Средней Азии к северу от Амударьи (т. е. в Трансоксиане) мы не знаем пока беспорных случаев находки греко-бактрийских монет в синхронном им слое. Драхма Эвкратиды из раскопок на городище Калаи-Мир (1951 г., южная часть раскопа) происходит из «мешаного слоя»¹⁵; «диобол» Эвкратиды (городище Калаи-Мир, 1950 г., северный участок раскопа), о котором писала Н. Н. Забелина¹⁶, М. М. Дьяконов называет «оболом, непосредственно подражающим чекану Эвкратиды»¹⁷. И, наконец, явно за пределами Трансоксианы лежат места находок двух тетрадрахм, обнаруженных в археологическом окружении, лишь приближающемся ко времени их выпуска¹⁸.

Археологически беспаспортными были находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные к началу 50-х гг. XX в.¹⁹ Но положение существенным образом не изменилось и после того, как в Узбекистане и других республиках Средней Азии археологические работы развернулись в широких масштабах. Наиболее интересные находки последних лет — греко-бактрийские монеты, или не связанные (как и в данном случае) с каким-либо археологическим комплексом²⁰, или происходящие из заведомо более позднего слоя²¹.

Общее число греко-бактрийских монет, найденных в Средней Азии или хранящихся в среднеазиатских музеях (без данных о происхождении), достигает уже нескольких сотен. Поэтому их отсутствие в археологических комплексах греко-бактрий-

ку юношеские черты Деметрия на них наиболее определены. Такая более дробная относительная хронология (в пределах первого периода) пока скорее нащупывается, чем доказывается, но игнорировать ее нельзя.

¹⁵ Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир.— Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II. 1948—1950 гг., М.—Л., 1953 (МИА СССР, № 37). с. 296, 300. Описание этой монеты не дано, ее местонахождение пока установить не удалось.

¹⁶ Там же, с. 295—296. Определение вызывает сомнения, ибо ни один из греко-бактрийских царей никогда не выпускал диоболов.

¹⁷ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобаднан) (1950—1951 гг.).— Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II..., с. 237. Где эта монета в настоящее время, также установить не удалось.

¹⁸ Ранняя тетрадрахма Эвкратиды (реверс — стоящий Аполлон), который правил приблизительно в 175—150 гг. до н. э., была найдена в Южной Туркмении в составе монетного клада, выпадение которого не могло произойти ранее 125—120 гг. до н. э. (Пиллико В. Н. Парфянское поселение Гарры-кяриз. Ашхабад, 1975, с. 75—76). Происходящая из Старой Нисы тетрадрахма Эвтидема («Квадратный дом», под закладкой прохода в одно из помещений) сама была использована для датировки слоя, относящегося если не ко II, то, во всяком случае, к I в. до н. э.

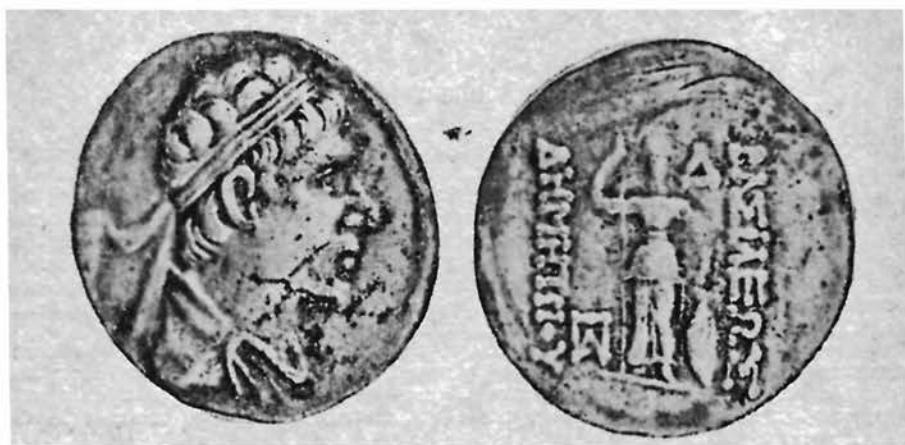
¹⁹ Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.— «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, с. 280 и след.; его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1928 и 1929 гг.— «Научная мысль», Ташкент, 1930, № 1; его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. Ташкент, 1933 (Материалы Узкомстариса. Вып. 5); его же. Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР до 1947 года.— «Сообщения Таджикского филиала АН СССР», вып. VII, Сталинабад, 1948, с. 42—44; Кастальский Б. Н. Нензванная греко-бактрийская тетрадрахма — медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I.— ВДИ, 1940, № 3—4, с. 339—347, и др.

²⁰ Тетрадрахма Диодота (с именем Ангиоха), найденная в 1978 г. на территории поселка Шахринау (Таджикская ССР); тетрадрахма Эвкратиды (царь в шлеме с дротиком влево/скачущие Диоскуры вправо), найденная в 1979 г. на берегу Нурекского водохранилища, в урочище Даран-Шур.

²¹ Так, дихалк Диодота (голова Гермеса в петасе вправо/стоящая Афина со щитом у ног) найден вместе с монетой «Сотера Мегаса» (городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане, раскопки 1978 г., в зале, между 3 и 4 полами); в сходных датировочно-стратиграфических условиях на том же городище найден медный дихалк Эвтидема (раскопки 1978 г., «Ботрос» № 3). Другой пример — обол Эвкратиды (аверс — царь в шлеме), найденный вместе с индийскими клейменными монетами IV — середины II в. до н. э., но в ямке, спущенной с пола, датированного кушанскими монетами (городище Тахти-Сангин, 1979 г., «Ботрос» № 6). Монеты с городища Тахти-Сангин в настоящее время подготавливаются к публикации.

ского времени (середина III—третья четверть II в. до н. э.)²² нельзя объяснить только случайностью.

Надо также отметить, что греко-бактрийские монеты оставались в обращении (во всяком случае, к северу от Амударьи) значительно дольше греко-бактрийского времени. Во-первых, любая серебряная монета — тетрадрахма, драхма и даже обол — сохраняла в древности (как и в наши дни) свою ценность как небольшой слиток драгоценного металла (даже независимо от изображений и надписей). Во-вторых, на протяжении юечжийского и затем кушанского периодов, последовавших за временем существования Греко-бактрийского царства, не происходило принудительного изъятия из обращения «устаревших» монет (в том числе медных). Поэтому единичная находка греко-бактрийской монеты вне археологического комплекса середины III—II в. до н. э. не может рассматриваться как свидетельство существования на месте находки каких-либо поселений греко-бактрийского времени и уж тем более не может служить основанием для далеко идущих выводов о денежном обращении в районе, где была сделана находка, в греко-бактрийскую эпоху. Очень большой осторожности требует и использование греко-бактрийских монет для датировки.

Наглядный пример неправомерного использования единичной находки в датировочных целях — халк Эвтидема I с городища Дальварзинтепа (Сурхандарьинская область). Он залегал в дерновом слое холма ДТ-7 («верхний слой помещения 2»; VI строительный период, уровень пола которого — «10—15 см от высшей точки холма»)²³, но когда рассматриваются материалы I строительного периода на этом раскопе («3,75 м от вершины холма»), оказывается, что «датировку керамики, а следовательно и времени существования жилища, уточняет монета Евтидема (230—200 гг. до н. э.)». В главе о керамике эта же монета (но почему-то названная «монетой Евкратида») «подтверждает» датировку уже целого периода Дальварзин I III—II вв. до н. э., а в итоговой главе «монета Евтидема из раскопа Д-7 «подтверждает» датировку наиболее ранних слоев всего городища — концом III—II в. до н. э. — «соответственно датируется и первый период в истории Дальварзинтепа». Вряд ли столь ответственные выводы допустимо основывать на одной монете, найденной в дерновом слое.

Длительность обращения греко-бактрийских монет в Трансоксание — серьезное препятствие, мешающее пользоваться найденными вне археологических комплексов III—II вв. до н. э. экземплярами для анализа особенностей денежного обращения в греко-бактрийское время²⁴. По той же причине случайные находки греко-бактрийских монет не могут быть привлечены как доказательство распространения власти греко-бактрийских царей на правобережье Амударьи и на долину Зарафшана.

²² Нельзя не обратить внимание, что пока исследовано очень мало комплексов, которые можно твердо датировать серединой III—II в. до н. э.

²³ Пугаченков Г. А. и др. Дальварзинтеп — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 83, 146, 176.

²⁴ Только на единичных находках (вне археологического контекста) основаны, например, рассуждения Э. В. Ртвеладзе «о наличии в греко-бактрийское время товарно-денежных отношений в долинах Сурхандарьи и Шерабаддарьи» (Ртвеладзе Э. В., Пидасев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981, с. 16), что, в свою очередь, служит «показателем экономического подъема, роста и процветания поселений в Северной Бактрии в греко-бактрийское время» — поселений, которые пока представлены только остатками двух землянок на Дальварзинтепе. Совершенно голословны заявления о том, что широкое распространение монет на правобережье Амударьи «особого подъема достигло в первой половине II в. до н. э.» и что «денежные отношения в этот период распространяются даже на мелкий розничный оборот, меховая торговля, во всяком случае в наиболее развитых в экономическом отношении районах, теряет свое былое значение» (там же, с. 19).

Таким образом, точная фиксация не только места, но и археологических обстоятельств монетной находки является на современном «витке» методических требований основным залогом полноценного использования нумизматических данных. И чем больше их накапливается, тем более сложным, со множеством оттенков и граней, предстает перед нами денежное обращение древней Средней Азии. Упрощенный подход к монетам как к историческому источнику (в самом широком смысле) создает лишь иллюзию результата. «Облегченная» постановка задачи, — как правило, вынужденная, продиктованная отсутствием необходимых данных, — закономерна для работ 30—40-х гг. Но сегодня «героический период» среднеазиатской археологии и нумизматики, когда одинаково легко делались и открытия, и ошибки, уже прошел. Современный этап изучения предполагает исследование нумизматических материалов в их объективном археологическом контексте и более строгий подход к их интерпретации, исключающий и поверхностные заключения, и стремление сгладить углы и «замаскировать» пробелы в имеющейся в распоряжении ученых информации.

Е. В. Зеймаль, Г. Вафаев

КРЫЛАТЫЙ КОНЬ С АФРАСИАБА

С 1977 г. ведутся раскопки одного из жилых кварталов городища Афрасиаб¹ в 200 м к югу от соборной мечети. С восточной стороны к кварталу примыкает глубокая впадина, с южной — двойная крепостная стена.

В первые же годы раскопок выявлено 26 жилых помещений различного функционального назначения. Отмечено до четырех периодов обживания этого массива (с VII до XI в.), сопровождавшихся значительными перестройками и ремонтами.

Основу жилого квартала составляет комплекс монументальных раннесредневековых построек с прекрасно сохранившимися стенами, сложенными комбинированной кладкой из пахсовых блоков и рядов сырцового кирпича.

Центральную часть жилого комплекса, вероятно, занимал парадный зал с настенными росписями. Здание вскрыто частично, зафиксированы только верхушки стен и ооконтурен абрис его планировки. С северной и восточной сторон вскрыт примыкающий к нему ряд коридорообразных помещений, высота стен которых достигает 2,5 м.

Летом 1981 г. в северо-западном секторе жилого массива вскрыта небольшая квадратная комнатка хозяйственного назначения (хранилище). В центре помещения с уровня пола врыт квадратный хозяйственный ящик размером 0,8×0,8 м, глубиной 0,6 м. Стенки его обмазаны глино-саманной штукатуркой. В ящике обнаружено большое скопление обломков хума, корчаги и горшочка с двумя ручками. На днищах некоторых сосудов сохранились истлевшие остатки зерен джугары. Здесь же обнаружена терракотовая фигурка крылатого коня с короной на голове и со сколами на спине от некогда прикрепленного всадника.

Фигурка изготовлена из тщательно промешанной глины и характеризуется плотным красноватым черепком, покрытым ярко-красным ангобом, следы которого сохранились в углубленных орнаментальных деталях. Торс животного сохранился неполностью, сбиты правое крыло и левая нога.

От туловища коня поднимается вверх слегка изогнутая шея с коротко подстриженной гривой. На изящно вылепленной голове посажены глаза в виде круглых налепов с оттиснутым колечком. Зрачки нанесены острой палочкой. Рот прочерчен, верхняя губа слегка раздвоена, ноздри изображены проколами. Уши стоячие, вытянуты вверх и заострены, с вытянутыми углублениями по центру. На лбу слегка приплюснутый круглый налуп с наколом, как на глазах; либо это третий глаз, либо налупное украшение.

Ниже него располагается рельефная налупная полоса, имитирующая упряжь. Подобная же полоса, но с горизонтальными насечками обрамляет шею и передает богато орнаментированную сбрую. От нее по центру груди коня на бахромчатой подвеске свисает крупный округлый помпон.

От передней части груди отходят в стороны два крыла, украшенные параллельными линиями. На спине — седло со сколом в верхней части от несохранившегося седока.

Ноги лошади моделированы условно в виде расходящихся в стороны пирамидальных столбиков. На передних, более высоких, острым инструментом прочерчены копыта. Хвост короткий, опущен вниз и прилеплен к нижней части торса.

Терракотовые фигурки коней довольно часто находили при раскопках в различные годы. Самые древние из них датируются первыми веками до нашей эры.

До сих пор терракоты в виде крылатых коней у нас не встречались, но изображения их с символом власти над головой представлены в настенной живописи Афрасиаба, одновременной нашей находке.

Грива их заплетена так, что напоминает зубчатую корону на холке. В широко известных сценах прибытия посольства ко двору самаркандского правителя и при-

¹ Работы ведет автор этих строк; начальник экспедиции — канд. ист. наук Г. В. Шишкина.

воза иноземной невесты крылатые кони изображены на парадных одеждах как самих самаркандцев, так и их гостей².

У многих народов Средней Азии с глубокой древности было распространено почитание коня, воплощавшего в себе крылатое солнечное божество, что нашло отражение и в письменных источниках. Этому вопросу посвящено значительное количество трудов советских и зарубежных исследователей. В Сасанидском Иране конь считался вторым воплощением бога победы Веретрагны.

Среднеазиатские кони особенно ценились на Дальнем Востоке. В памятниках искусства империи Тан их всегда изображали крылатыми, считая их рожденными от соединения драконов с кобылицами на берегах «Западного моря»³.

Коней часто использовали и в дипломатической практике. Так, тюркские правители отсылали многочисленные табуны чистопородных скакунов в дар иноземным правителям⁴.

В VII—IX вв. среднеазиатские породистые кони были одним из основных предметов торговли с восточными странами. Особенно славилась «небесные кони» Давани (Ферганы)⁵.

Образ крылатого коня, связанный с древнейшими верованиями и олицетворявший в себе все самое светлое, стремительное и прекрасное, был понятен и близок народам Средней Азии и потому нашел яркое воплощение в настенной живописи и коропластике VI—VIII вв.

Л. Г. Брусенко

² Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 58, табл. LIII.

³ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981, с. 89.

⁴ Там же, с. 88.

⁵ Там же, с. 91.

ИСТОРИОГРАФИЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В УЗБЕКИСТАНЕ

(Обзор публикаций 50—70-х годов)

Эстетическая мысль в Узбекистане имеет многовековую историю. Изучение богатых прогрессивных традиций ее развития представляет огромное научно-познавательное, социально-политическое, идеологическое и воспитательное значение. Широкое научное исследование истории эстетической мысли узбекского народа началось с конца 50-х годов¹. Среди работ, посвященных данной проблеме, надо прежде всего отметить статью М. Н. Болтаева, брошюры Л. А. Исламовой и небольшой раздел книги Л. И. Могилевского, которые в какой-то мере рисуют общую картину проблемы, не претендуя на ее детальное рассмотрение².

В указанных публикациях в общем плане излагаются основные этапы развития эстетической мысли дореволюционной Средней Азии, в том числе Узбекистана, характеризуются наиболее важные моменты эстетических воззрений таких выдающихся мыслителей прошлого, как Рудаки, Фараби, Ибн Сина, Беруни, А. Навои, Бедиль, А. Донниш, Фуркат, Мукими, Аваз Отар, Завки и др., показывается роль прогрессивного эстетического наследия узбекского народа в истории его духовной культуры, эстетическом воспитании масс.

В отдельных работах предпринята попытка изучения истории эстетической мысли в аспекте конкретных проблем эстетики. Так, в публикациях Н. Г. Ганбова анализируются взгляды прогрессивных мыслителей Средней Азии на прекрасное³.

¹ Первой специальной работой по истории эстетической мысли в Узбекистане явилась статья И. М. Муминова и М. М. Хайруллаева «Из истории прогрессивных эстетических учений в Узбекистане конца XIX—начала XX вв. К 100-летию со дня рождения поэта-демократа Фурката». — «Известия АН УзССР. Серия общественных наук», 1958, № 5, с. 39—46.

² Болтаев М. Н. К вопросу о прогрессивных эстетических воззрениях мыслителей прошлого Средней Азии. — «Ученые записки Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина», т. XXIV, Труды кафедры философии, вып. 3, Душанбе, 1959, с. 32—43; Исламова Л. А. Узбекистон халқларининг эстетик мероси ҳақида. Тошкент, 1969, 28 с.; ее же. Эстетическое наследие народов Узбекистана. Ташкент, 1972, 21 с.; ее же. Эстетик мерос ва тарбия. Тошкент, 1973, 38 с.; Могилевский Л. И. Маркча-ленинча эстетика асослари. Тошкент, 1974, с. 20—26.

³ Ганбов Н. Проблема прекрасного в эстетических воззрениях прогрессивных мыслителей Средней Азии. — «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 7, с. 27—

Рассматривая эстетические воззрения таких наиболее крупных мыслителей Средней Азии, как Фараби, Ибн Сина, А. Навои, А. Дониш, автор показывает, что хотя в силу исторической ограниченности своей эпохи они не могли создать цельного материалистического учения о прекрасном, однако старались постичь подлинную сущность красоты, приближаясь к материалистическому пониманию вопроса об объективности прекрасного.

В небольшой, но содержательной статье Б. Искандарова освещаются эстетические воззрения среднеазиатских мыслителей на сущность и общественное назначение искусства⁴.

Один из важных источников общественно-философской и эстетической мысли узбекского народа — фольклор. Будучи исторически первой формой эстетического, художественного познания, фольклор выражает ранние эстетические чувства, вкусы, оценки и представления народа. Например, в памятниках устного творчества узбекского народа отражены и идеи прекрасного в человеке и природе. Выявление и научный анализ этих идей позволяют раскрыть истоки и предпосылки истории эстетической мысли.

В этом отношении интересны работы С. Алимова и Ш. Мансурова, где исследовано воплощение эстетического идеала в узбекском фольклоре⁵.

Первым письменным источником общественно-философской и эстетической мысли народов Ближнего и Среднего Востока послужила Авеста — священная книга зороастризма. Зороастризм, будучи господствующей идеологией, своеобразным мировоззрением рабовладельческого общества, в наивной, религиозной форме отражал социально-политический строй, быт, нравы, культуру народных масс, их познания, воззрения на природу и общественную жизнь, в том числе эстетические воззрения. Последние раскрыты в содержательной статье А. О. Маковельского и А. М. Асланова⁶.

Большое внимание исследователей привлекают эстетические воззрения крупного среднеазиатского мыслителя эпохи средневековья — Фараби, который в условиях безраздельного господства религиозного мракобесия разработал прогрессивные эстетические идеи об объективном характере прекрасного, о возможности познания его разумом, о воспитательной роли искусства, об эстетическом воспитании человека и т. д.

А. В. Сагадеев показывает место и значение эстетических воззрений Фараби в истории развития эстетической мысли средневекового Ближнего и Среднего Востока⁷.

В фундаментальных трудах М. М. Хайруллаева эстетические идеи Фараби рассматриваются в общей системе философского наследия великого мыслителя⁸.

Специальный анализ эстетических воззрений Фараби содержится в статьях Л. А. Исламовой, А. Қасымжанова и Р. Хадизаде⁹.

В статье А. Маманова изучены эстетические взгляды Фараби на взаимосвязь искусства и науки¹⁰.

А. М. Асланов на конкретных исторических фактах убедительно показывает творческое влияние эстетики Аристотеля на эстетическую мысль средневекового Востока, в том числе на эстетическое учение и поэтическую теорию Фараби¹¹.

31; его же. Марксистско-ленинское понятие прекрасного и его воплощение в узбекской советской поэзии. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966, 21 с.; его же. Гузаллик ва унинг санъатда ифодаланishi. Тошкент, 1966, с. 10—17; его же. Ижтимоий ҳаёт ва санъат. Тошкент, 1978, с. 65—73.

⁴ Искандаров Б. Мутафаккирлар дейдиларки... — «Ўзбекистон маданияти», 1969 й., 22 июль.

⁵ Алимов С. Ўзбек фольклори эстетикаси. Тошкент, 1974, 44 с.; его же. Эстетический идеал и его воплощение в доэволюционном узбекском фольклоре. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1975, 19 с.; Мансуров Ш. Халқ дostonларида эстетик идеал. Тошкент, 1976, 22 с.

⁶ Маковельский А. О., Асланов А. М. Об эстетических взглядах, отраженных в Авесте. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова». Серия исторических и философских наук, № 5, Баку, 1966, с. 3—8.

⁷ Сагадеев А. В. Эстетические взгляды арабов эпохи Средневековья. — В кн.: Очерки истории эстетических учений, М., 1963, с. 50—56; его же. Из истории эстетической мысли народов Ближнего и Среднего Востока (эпоха Средневековья). Автореферат канд. дисс. М., 1964, 16 с.

⁸ Хайруллаев М. М. Мировоззрение Фараби и его значение в истории философии. Ташкент, 1967, 356 с.; его же. Уйғониш даври ва Шарқ мутафаккири. Тошкент, 1971, 312 с.; его же. Фараби. Эпоха и учение. Ташкент, 1975, 352 с.

⁹ Исламова Л. А. Эстетические идеи в произведениях Фараби. — «Общественные науки в Узбекистане», 1973, № 6, с. 42—48; Қасымжанов А. Чудо красоты и ритма. — «Жулдыз», Алма-Ата, 1975, № 9, с. 21—23 (на казах. яз.); Хадизаде Р. Эстетические воззрения Фараби. — «Садон Шарқ», Душанбе, 1975, № 9, с. 137—145 (на тадж. яз.).

¹⁰ Маманов А. На заре единения искусства и науки. — «Жулдыз», Алма-Ата, 1975, № 9, с. 13—21 (на казах. яз.).

¹¹ Асланов А. М. О значении «Поэтики» Аристотеля в эстетике средневекового Востока. — «Вопросы философии», 1973, № 4, с. 154—158.

А. Ирисов пишет об истории проникновения и распространения «Поэтики» Аристотеля в странах средневекового Востока, о переводах, переводчиках и комментаторах этого величайшего памятника эстетической мысли античности. Автор особо выделяет заслуги Фараби и Ибн Сины в популяризации и творческой разработке основных идей «Поэтики» Аристотеля¹².

Эстетическое наследие Фараби, не ограничиваясь теоретическими рассуждениями по общим вопросам эстетики и искусства, охватывает многие аспекты художественной теории и практики того времени. Авторы ряда публикаций правомерно акцентируют внимание и на эту сторону вопроса. В частности, во введении к третьему тому многотомной хрестоматии «Узбекская народная музыка», а также в сборнике «Великие ученые Средней Азии и Казахстана» отмечаются заслуги Фараби в решении конкретных теоретических и практических вопросов музыки¹³.

Т. С. Вызго и Д. Рашидова подчеркивают огромную роль «Большой книги по музыке» Фараби в развитии музыкальной теории не только в Средней Азии, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке¹⁴.

Наиболее общая и подробная характеристика музыкального наследия Фараби дается в статье И. Раджабова¹⁵.

М. С. Булатов осветил учение и деятельность Фараби в области архитектуры¹⁶.

В работах А. Ирисова характеризуется поэтическая теория Фараби и его деятельность в области литературы¹⁷.

Следует отметить большие заслуги советских ученых в переводе и издании эстетических трудов Фараби. В частности, на основе персидского текста Н. Саидовым осуществлен перевод вводной части «Большой книги по музыке» на узбекский язык, изданный в качестве приложения к монографии М. М. Хайруллаева¹⁸.

В переводе с арабского на узбекский, с небольшим предисловием и примечаниями А. Ирисова, был опубликован другой важный эстетический труд Фараби — «Трактат о канонах искусства поэзии»¹⁹.

Исследование эстетических воззрений Фараби ведется не только узбекскими, но и русскими, казахскими, таджикскими, азербайджанскими учеными и др. Это еще одно яркое свидетельство того, что духовное наследие великого среднеазиатского мыслителя стало ныне достоянием всех народов СССР.

Опубликован ряд работ и по эстетическим воззрениям другого крупного среднеазиатского философа эпохи средневековья — Ибн Сины²⁰, особенно в связи с 1000-летним юбилеем великого мыслителя.

В истории духовной культуры Средней Азии важное место занимает период конца XIV — первой половины XV в. Однако до сих пор нет ни одной специальной работы по истории эстетической мысли того времени. Лишь отдельные моменты ее затрагиваются в кандидатской диссертации Б. Валиходжаева, посвященной истории литературно-критической мысли XV—XIX вв.²¹

Крупным представителем общественно-философской и эстетической мысли XV в. был Алишер Навои, с именем которого связана целая историческая эпоха в духовном развитии узбекского народа. «В основе миропонимания Навои лежит пантеизм; в противовес мистицизму аскетов-суфиев Навои писал, что именно земная жизнь действительна и прекрасна, и в ней человек должен находить высшую радость: «хороша роза сада вселенной, но лучше всего роза жизни»²².

Первой значительной специальной работой по изучению мировоззрения, философских и эстетических взглядов Алишера Навои была статья Айбека²³. Всесторон-

¹² Ирисов А. Аристотель «Поэтика»си ва унинг Шарқдаги издошлари.— В кн.: «Аристотель. Поэтика», Ташкент, 1980, с. 124—128.

¹³ Узбек халқ музикаси. Беш томлик. 3-том. Тошкент, 1959, с. 30; Великие ученые Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1965, с. 32.

¹⁴ Вызго Т. С., Рашидова Д. О музыкально-теоретическом наследии народов Средней Азии.— «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 3, с. 59—62.

¹⁵ Ражабов И. Форобийнинг музика соҳасидаги мероси ҳақида.— «Общественные науки в Узбекистане», 1973, № 6, с. 49—55.

¹⁶ Булатов М. С. Фараби и архитектура.— «Общественные науки в Узбекистане», 1973, № 6, с. 56—60.

¹⁷ Ирисов А. Шеър санъати рисоласи.— «Узбекистон маданияти», 1975 й., 16 сентябрь; ево же. Форобий — адиб. Тошкент, 1975, 46 с.

¹⁸ Хайруллаев М. М. Форобий ва унинг фалсафий рисолалари. Тошкент, 1963, Илова, с. 242—250.

¹⁹ Абу Наср Форобий. Шоирлар санъати қонунлари ҳақида рисола.— «Узбек тили ва адабиёти», 1976, № 3, с. 56—64; см. также: Аристотель. Поэтика Ташкент, 1980, с. 63—74.

²⁰ Джумаев А. Б. О музыкально-эстетических взглядах Ибн Сины.— «Общественные науки в Узбекистане», 1979, № 6, с. 29—36; Ирисов А. Ибн Сино «Поэтика»си.— «Шарқ юлдузи», 1980, № 1, с. 230—232; Матёқубов О. Ибн Сино ва музика.— «Совет Узбекистони санъати», 1980, № 8, с. 8—9.

²¹ Валиходжаев Б. Из истории развития литературно-критической мысли в Узбекистане (XV—XIX вв.). Автореферат канд. дисс. Самарканд, 1960, 22 с.

²² Муминов И. М. Узбекская философская и общественная мысль.— «Философская энциклопедия», т. 5, М., 1970, с. 271.

²³ Ойбек. Навоийнинг дунёқарашини масаласига доир.— Асарлар, ўн томлик, т. 9, Тошкент, 1974, с. 121—135.

ний анализ мировоззрения А. Навои осуществлен в фундаментальном труде В. Ю. Захидова²⁴. Рассматривая эстетические воззрения великого поэта-мыслителя в системе его философских взглядов, автор подчеркивает прогрессивное значение передовых эстетических идей Навои в условиях господства мистицизма, фанатизма и формализма в общественной жизни и литературе того времени.

В кандидатской диссертации А. Хаитметова разработаны литературно-критические взгляды Навои²⁵. В другой его работе предпринята попытка осветить эстетический идеал Навои²⁶. Автор правильно отмечает, что несмотря на утопический характер эстетического идеала великого поэта-мыслителя, он был самым возвышенным идеалом своего времени и прогрессивной узбекской народной литературы, поскольку в нем отразились лучшие идеи и мечты трудового народа о гуманном, справедливом обществе и прекрасном человеке.

В кандидатской диссертации Х. Кудратуллаева исследована одна из основных сторон эстетических и литературно-критических воззрений А. Навои — взгляды на художественное творчество и труд писателя²⁷.

А. Хаитметов осветил и взгляды другого крупного мыслителя XV в. — Абдурахмана Джами — на сущность, значение искусства и литературы, соотношение формы и содержания, поэтического мастерства и новаторства, которые оказали огромное влияние на развитие эстетической мысли и художественного творчества народов Средней Азии²⁸.

Заслуживают упоминания и отдельные работы, посвященные литературно-критическим воззрениям, особенно поэтической теории, крупного узбекского поэта XVI в. Захриддина Мухаммада Бабура²⁹.

Конец XIX — начало XX в. — новый важный этап в развитии общественно-философской и эстетической мысли узбекского народа. В это время, вследствие присоединения Средней Азии к России, под благотворным влиянием передовой русской культуры и революционных идей формируются прогрессивная демократическая литература, просветительская идеология и зачатки материалистической эстетики, которые явились почвой, идейной базой для распространения и формирования марксистско-ленинских идей в Туркестане.

Прогрессивная демократическая литература и эстетика конца XIX — начала XX в., в противовес господствовавшим тогда консервативной феодально-клерикальной и реакционной буржуазно-националистической литературе и эстетическим концепциям, выдвигали принципы реалистического отражения действительности, народности, правдивости, жизненности, художественности и т. д.

Сущность, закономерности формирования и развития прогрессивно-демократической эстетики конца XIX — начала XX в., ее место в истории общественно-философской мысли народов Средней Азии того времени, содержание эстетических воззрений ее крупных представителей в общем плане отражены в работах И. М. Муминова, М. М. Хайруллаева, Х. Вахидова³⁰.

Высшим принципом эстетических учений просветителей-демократов Средней Азии конца XIX — начала XX в. была народность, т. е. смысл и назначение искусства усматривались в служении интересам трудового народа. Этот вопрос правомерно стал объектом исследования кандидатской диссертации и ряда публикаций Л. А. Исламовой³¹.

²⁴ Захидов В. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент, 1961, 376 с.

²⁵ Хаитметов А. Литературно-критические взгляды Алишера Навои. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1954, 16 с.

²⁶ Хаитметов А. Навоийнинг эстетик идеали ҳақида. — «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 5, с. 57—65.

²⁷ Кудратуллаев Х. Алишер Навои о художественном творчестве и труде писателя (К характеристике эстетических взглядов великого писателя). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1975, 21 с.

²⁸ Хаитметов А. Абдурахман Джами об эстетических принципах поэтического творчества. — «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 7, с. 32—38.

²⁹ Валиужаев Б. З. М. Бобирнинг адабий-танқидий қарашлари ҳақида баъзи мулоҳазалар. — «А. Навоий номи Узбекистон давлат университетининг асарлари», Самарқанд, 1958, № 86, с. 77—93; Хасанов С. Трактат Бабура об арузе. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1972, 22 с.

³⁰ Муминов И. М. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX — начала XX вв. Ташкент, 1957, 214 с.; Муминов И. М., Хайруллаев М. М. Из истории прогрессивных эстетических учений в Узбекистане конца XIX — начала XX вв. К 100-летию со дня рождения поэта-демократа Фурката. — «Известия АН УССР. Серия общественных наук», 1958, № 5, с. 39—46; Воҳидов Ҳ. Узбек маърифатпарварларининг социологик қарашлари. Тошкент, 1966, с. 88—95; его же. Прогрессивная идеология и идейная борьба в Узбекистане (конец XIX — начало XX вв.). Автореферат докт. дисс. Ташкент, 1971, 51 с.; его же. Просветительская идеология в Туркестане. Ташкент, 1979, с. 119—133.

³¹ Исламова Л. А. Об элементах народности в творчестве Ахмада Донниша. — «Общественные науки в Узбекистане», 1963, № 11, с. 50—52; ее же. Проблема народности в эстетическом наследии узбекских просветителей (конец XIX — начало XX вв.). Автореферат канд. дисс. М., 1964, 13 с.; ее же. Об идейных источниках

В отдельном разделе книги литературоведа Б. Назарова литературно-критическая мысль конца XIX — начала XX в. характеризуется в качестве идейного источника возникновения узбекской советской литературной критики³².

В работах И. М. Муминова, М. М. Хайруллаева, А. Абдугафурова исследованы эстетические и литературно-критические воззрения выдающегося узбекского поэта-демократа Фурката³³.

Отдельные моменты эстетических и литературно-критических воззрений крупных представителей литературы и искусства дореволюционного Узбекистана нашли свое отражение в монографических изданиях по истории узбекской литературы и общественно-философской мысли в Узбекистане³⁴.

В многотомной антологии «История эстетики» в качестве образцов эстетических учений народов Средней Азии даны выдержки из произведений Хазыка, Мукими, Фурката, Бердаха (со вступительной статьей и библиографией Л. А. Шарафутдиновой)³⁵.

Некоторые материалы по эстетическим воззрениям крупных мыслителей Средней Азии прошлого можно почерпнуть также из сборника, содержащего отрывки из произведений выдающихся мыслителей Узбекистана и краткие библиографические очерки о них³⁶.

Возникновение и развитие марксистско-ленинской эстетической мысли в Советском Узбекистане — плод победы Великого Октября и строительства социализма, коренной переворот, качественно новая эпоха в истории эстетической мысли узбекского народа. Данный период характеризуется не только широким распространением марксистско-ленинских эстетических идей в Узбекистане, но и творческой разработкой важных вопросов эстетики, возникновением эстетической науки в республике. К сожалению, этот важный период, как и дореволюционный, еще не стал объектом специального исследования. Имеется сравнительно небольшое количество работ (в основном литературно-критического характера), в которых освещены некоторые аспекты истории эстетической мысли узбекского народа советского периода и эстетические воззрения ее отдельных представителей.

В работах Х. А. Зияутдиновой и Х. Пулатова в историко-философском плане показаны существенные моменты борьбы за утверждение идей ленинизма в узбекской эстетике и литературной критике 20—30-х годов³⁷.

В статье Н. Бердиева рассматриваются некоторые методологические вопросы исследования истории марксистско-ленинской эстетической мысли в Советском Узбекистане³⁸.

Существующий пока большой пробел в изучении эстетической мысли Советского Узбекистана в основном восполняется публикациями литературоведов. Среди них привлекают внимание работы Х. Якубова, Т. Салихова, Б. Назарова, посвященные характеристике отдельных вопросов и исторических этапов литературно-критической мысли в Советском Узбекистане³⁹. В значительной мере они затрагивают и эстетическую проблематику.

формирования принципов народности в эстетической мысли Узбекистана (конец XIX — начало XX вв.).— В сб.: Вопросы философии, Ташкент, 1965, с. 73—83.

³² Назаров Б. Узбек адабий танқидчилиги (ғоявийлик, метод, қаҳрамон). Тошкент, 1979, с. 9—48.

³³ Мўминов И. М., Хайруллаев М. М. Фурқатнинг эстетик қарашлари тўғрисида.— В сб.: Зокиржон Фурқат, Тошкент, 1959, с. 67—76; Абдугафуров А. Зокиржон Фурқат (ҳаёти ва ижоди). Тошкент, 1977, с. 171—178.

³⁴ Маллаев Н. М. Узбек адабиёти тарихи. Биринчи китоб. Тошкент, 1976, 664 с.; Абдуллаев В. А. Узбек адабиёти тарихи. Иккинчи китоб. Тошкент, 1967, 283 с.; Каримов Ф. К. Узбек адабиёти тарихи. Учинчи китоб. Тошкент, 1975, 326 с.; Очерки истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1977, 384 с.

³⁵ Эстетические учения народов Средней Азии (Д. Хазык, Мукими, Фуркат, Бердах. Вступит. статья и библиография Л. А. Шарафутдиновой).— В кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5-ти томах. Т. 4. Полутом 2. М., 1968, с. 251—276.

³⁶ Материалы по истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Изд. 2-е, доп. Ташкент, 1976, 588 с.

³⁷ Зияутдинова Х. А. Уттизинчи йиллар ўзбек адабиётшунослигидаги ғоявий қурашнинг баъзи асосий проблемалари.— «Ўзбек тили ва адабиёти», 1966, № 3, с. 18—24; ее же. Марксистско-ленинская философия в Узбекистане в 30-е годы.— В кн.: Из истории марксистско-ленинской философии в Узбекистане, Ташкент, 1968, с. 75—81; ее же. Из истории утверждения идей ленинизма в Узбекистане (20—30-е годы). Ташкент, 1977, с. 69—79; ее же. Великий Октябрь и победа марксистско-ленинской идеологии в Узбекистане.— Научные доклады высшей школы. Научный коммунизм. М., 1977, № 4, с. 51—52; Пулатов Х. Марксистско-ленинская социологическая мысль в Узбекистане (1918—1936). Автореферат канд. дисс. Л., 1973, 20 с.

³⁸ Бердиев Н. Некоторые методологические вопросы истории марксистско-ленинской эстетической мысли в Советском Узбекистане.— «Вопросы социально-экономического и культурного развития южных областей Узбекистана». Сб. научных трудов Ташкентского госпединститута им. Низами, Ташкент, 1979, с. 101—105.

³⁹ Ёқубов Ҳ. Танқид ва адабиётшунослик тарихига бир назар.— В кн.: Адабиётимизнинг ярим асри, Тошкент, 1967, с. 339—408; Салихов Т. Узбекская со-

Что касается крупных узбекских советских писателей, то наиболее полно изучены эстетические и литературно-критические воззрения Хамзы⁴⁰ и К. Яшена⁴¹.

В кандидатских диссертациях и публикациях Б. Назарова и М. А. Абдуллаевой прослеживаются формирование эстетических взглядов, литературно-критическая деятельность и эстетические принципы художественного творчества Айбека⁴².

В статье Н. Бердиева освещены эстетические взгляды Абдуллы Кадыри на смех и комическое, на средства их отражения в искусстве — сатиру и юмор⁴³.

Некоторые материалы по литературно-критическим и эстетическим воззрениям узбекских советских писателей можно найти и в монографических изданиях по истории узбекской советской литературы⁴⁴.

Подводя итоги, следует отметить все более растущий интерес исследователей к изучению истории эстетической мысли Узбекистана, благодаря чему проделана определенная работа, которая может послужить основой для дальнейшего глубокого и всестороннего исследования проблемы.

Главная особенность рассмотренных нами работ состоит в том, что в них наблюдается попытка осветить историю эстетической мысли Узбекистана в разных аспектах и по различным периодам, концентрируя при этом внимание на ее наиболее характерных, существенных явлениях и моментах. Это и есть тот верный ориентир в направлении создания истории эстетической мысли Узбекистана, на который следует нацеливаться и в дальнейшем.

С удовлетворением констатируя достигнутые положительные успехи, нельзя не отметить и имеющиеся недостатки в области исследования рассматриваемой проблемы. Главный из них — отсутствие исчерпывающего труда, достойно отражающего богатую историю эстетической мысли Узбекистана.

Обзор существующей литературы свидетельствует о том, что исследование истории эстетической мысли узбекского народа пока ограничивается в основном отдельными статьями, брошюрами и небольшими разделами книг, которые подчас не выходят за пределы беглого изложения рассматриваемых вопросов.

С другой стороны, значительную часть исследований составляют работы литературоведческого характера. Конечно, отраден тот факт, что недостаточность специальной литературы по истории эстетической мысли Узбекистана существенно восполняется публикациями литературоведов. Однако они имеют свою специфическую задачу — рассмотрение частных теоретических вопросов художественной литературы, литературоведения и литературной критики на конкретном филологическом материале. Хотя эти публикации часто затрагивают эстетическую проблематику, они не могут заменить историко-эстетические исследования, основной задачей которых является анализ общетеоретических вопросов эстетики и искусства.

Таким образом, перед исследователями стоит важная и сложная задача — создание полной, обобщенной и систематической истории эстетической мысли Узбекистана.

Разумеется, успешно решить эту задачу можно лишь коллективными усилиями многих научных учреждений и представителей различных наук: философов, искусствоведов, литературоведов и др.

ветская литературная критика 30-х годов в борьбе за социалистический реализм (Из истории узбекской советской литературной критики). Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1973, 34 с.; Назаров Б. Ленинича таълимот ва ўзбек танқидчилиги. Тошкент, 1977, 160 с.; его же. Ўзбек адабий танқидчилиги (ғоявийлик, метод, қаҳрамон). Тошкент, 1979, 286 с.

⁴⁰ Базаров У. Б. Идейные основы творчества Хамзы Хаким-заде Ниязи. Ташкент, 1960, с. 88—101; Қаяюмов Л., Аминова М. Ҳамза Ҳакимзоданинг эстетик қарашлари.— В кн.: Ҳамза ҳақида мақолалар, Тошкент, 1960, с. 51—73; Қаяюмов Л. Эстетика поэта-борца.— «Звезда Востока», 1960, № 8, с. 113—119; Қаяюмов Л., Аминова М. Ҳамза ижодининг эстетик принциплари.— «В. И. Ленин номи Ташкент давлат университетининг асарлари», янги серия, 195-чиқарилиши, филология фанлари, 23-китоб, Тошкент, 1962, 21 с.; Аминова М. Эстетические принципы творчества Хамзы Хаким-заде Ниязи. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1968, 24 с.

⁴¹ Абдусаматов Ҳ. Эстетика ва ҳаёт. Тошкент, 1976, 286 с.; его же. Эстетик ҳамкорлик. Тошкент, 1978, 40 с.; Азимова М. А. Литературно-критические взгляды Камиля Яшена. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1977, 20 с.

⁴² Назаров Б. Ойбек эстетик қарашларининг шаклланишига доир.— «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 2, с. 11—15; его же. Роль Айбека в формировании марксистско-ленинской литературной критики в Узбекистане. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1971, 25 с.; Абдуллаева М. А. Художественно-эстетические принципы творчества Айбека.— «Общественные науки в Узбекистане», 1974, № 7, с. 41—45; его же. Эстетические принципы творчества Айбека. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1975, 27 с.

⁴³ Бердиев Н. Абдулла Қодирининг кулги ва комиклик ҳақидаги эстетик қарашлари.— «Вопросы социально-экономического и культурного развития южных областей Узбекистана». Сб. научных трудов Ташкентского госпединститута им. Ниязи, т. 169, Ташкент, 1977, с. 222—232.

⁴⁴ Ўзбек совет адабиёти тарихи очерки. Икки томлик. Тошкент, т. 1, 1961, 411 с.; т. 2, 1962, 872 с.; История узбекской советской литературы. М., 1967, 796 с.; Ўзбек совет адабиёти тарихи. Уч томлик. Тошкент, т. 1, 1967, 418 с.; т. 2, 1971, 680 с.; т. 3, кн. 1, 1972, 431 с.; кн. 2, 1972, 414 с.

Различные проблемы, исторические этапы развития эстетической мысли в Узбекистане, воззрения ее отдельных представителей изучены неравномерно. Например, пока есть только отдельные работы, в которых сделаны первые шаги по исследованию эстетической мысли эпохи средневековья, конца XIX — начала XX в., эстетических взглядов Фараби, Навои, Фурката, Хамзы, Қ. Яшена, проблем прекрасного и эстетики фольклора. Да и эти работы не претендуют на исчерпывающее освещение рассматриваемых вопросов. Недостаточно освещенными или вообще не изученными остаются многие важные периоды и проблемы. В частности, не разработана научная периодизация истории эстетической мысли Узбекистана; нет ни одного исчерпывающего труда, посвященного развернутой характеристике определенного исторического периода ее развития, анализу эстетических взглядов отдельных узбекских мыслителей и писателей. Нет специального исследования, посвященного возникновению и развитию марксистско-ленинской эстетической мысли и эстетической науки в Советском Узбекистане — самому богатому по материалу, современному периоду истории эстетической мысли узбекского народа. Нет крупных работ по истории узбекской эстетической мысли на примере отдельных проблем и категорий эстетики.

До сих пор не создана библиография статей, научных трудов, материалов периодической печати по эстетике. Не предприняты попытки составления и издания специальных сборников, хрестоматий, состоящих из эстетических работ узбекских мыслителей, писателей и ученых.

Фактически нет монографий, коллективных сборников научных работ по важнейшим проблемам истории эстетической мысли Узбекистана.

Нельзя считать удовлетворительной и работу периодической печати по публикации материалов историко-эстетического характера.

Всестороннему и глубокому изучению истории эстетической мысли Узбекистана должны способствовать также защита кандидатских и докторских диссертаций, организация и проведение научных и теоретических конференций.

Очевидно, сектору истории общественно-философской мысли в Узбекистане совместно с сектором этики и эстетики Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР было бы целесообразно разработать перспективный план научных исследований по истории эстетической мысли узбекского народа и координировать деятельность всех научных учреждений республики по изучению данной проблемы.

Таким образом, предстает большая работа по созданию научной истории эстетической мысли узбекского народа, значимость которой определяется не только потребностями дальнейшего развития современной науки, но и задачами коммунистического строительства, воспитания трудящихся масс, идеологической борьбы в современном мире.

Н. Бердиев

НОВЫЕ КНИГИ

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА — НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

(М., Политиздат, 1980, 431 с.)

Формирование новой исторической общности — советский народ, олицетворяющей монолитное единство классов и социальных групп, наций, народностей, этнических групп, населяющих СССР, — один из важнейших по социальной значимости результатов социалистического преобразования советского общества. Исследованию процессов функционирования и развития этой новой социальной и интернациональной общности и посвящена коллективная монография «Развитие советского народа — новой исторической общности», подготовленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС¹.

Авторы сосредоточивают внимание на освещении закономерностей прогресса новой общности; укреплении социально-политического единства советского общества; значении прогресса классовых и национальных общностей, их крепнущего единства для развития советского народа; возрастании роли новой исторической общности в ходе коммунистического строительства в СССР. В книге раскрываются воздействие советского народа как общности на процессы зарождения и становления новых социальных и интернациональных общностей стран социалистического содружества, влияние крепнущего социально-политического и интернационального единства советского общества на углубление процессов развития международного рабочего и национально-освободительного движения, на социальный прогресс всего человечества. Должное внимание уделено разоблачению буржуазных и ревизионистских фальсификаций сущности и роли новой исторической общности людей. Широта теоретиче-

¹ Авторский коллектив: М. И. Куличенко — руководитель коллектива и автор II, IV и V глав, предисловия и заключения, И. Ф. Аношкин — гл. I, Э. А. Баграмов — гл. X, Ж. Г. Голотвин — гл. VII, А. Ф. Дашдамир — гл. IX, С. Т. Калтахчян — гл. VI, Е. С. Троицкий — гл. X и XI, К. Х. Ханазаров — гл. VIII, О. И. Шибанов — гл. III. Редколлегия: М. И. Куличенко, Э. А. Баграмов, С. Т. Калтахчян, К. Х. Ханазаров.

ских обобщений, комплексный подход к анализу и аргументированное решение вопросов обуславливают высокий научно-теоретический уровень исследования.

Авторы подробно прослеживают процесс образования межнациональной общности народов СССР, единства советского народа как закономерность развития многонационального социалистического общества, ведущую роль в котором под руководством КПСС играет рабочий класс. Их выводы базируются на анализе и обобщении широкого круга источников — многочисленных документов, статистических данных, материалов конкретно-социологических исследований, периодической печати. На конкретных фактах авторы убедительно показывают, что в основе формирования общности советского народа лежат закономерно действующие социально-экономические, политические, духовные факторы — интернациональные, проявляющиеся во всем мире, национально-государственные и факторы, действующие в отдельных сферах общественной жизни. Особо отмечается, что в дальнейшем укреплении новой общности всевозрастающую роль играет многогранная деятельность КПСС.

В работе подчеркивается, что глубокие изменения в социальных основах развития советского народа происходят в неразрывной связи со всеми кардинальными процессами, которые характеризуют зрелый социализм и его постепенное перерастание в коммунизм. Основными направлениями социально-политического развития новой исторической общности являются: постоянное упрочение и обновление внутриклассовых и внутринациональных связей; дальнейшее развитие социальных связей между классами и социальными группами, нациями и народностями; успешное формирование нового человека, укрепление межличностных связей советских людей и т. д.

В книге раскрывается в общих чертах диалектика развития новой исторической общности с учетом изменений, происходящих на этапе зрелого социализма в структуре советского общества в связи со становлением его социальной однородности.

Значительное место в работе занимает проблема укрепления интернационального единства советского общества, сочетания интернационального и национального в отношениях между нациями и народностями СССР.

Новизной и свежестею раскрытия ряда теоретических положений и сущности понятий привлекает конкретный анализ социальных общностей — наций и народностей. Вместе с тем авторы не дают достаточно четкого определения понятия «дружба народов» и «интернациональное единство».

В книге обстоятельно разоблачаются измышления идеологов антикоммунизма, правого и «левого» оппортунизма, пытающихся отрицать единство советского народа, извратить его сущность.

Тщательный анализ наиболее важных аспектов дальнейшего развития новой социальной и интернациональной общности — также бесспорная заслуга авторского коллектива.

Все это делает данное серьезное фундаментальное исследование весьма содержательным и представляющим бесспорный интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Н. И. Горлач

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СОГДИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ

В Советском Союзе насчитывается уже довольно значительное количество согдийских рукописных памятников. Сюда относится непревзойденный по своему составу и содержанию архив согдийских правителей конца VII — начала VIII в., найденный в 1932—1933 гг. при раскопках крепости на горе Муг, близ сел. Хайрабад, в верхнем течении Зарафшана. Он хранится в Ленинградском отделении ИВ АН СССР и почти полностью опубликован в 60-е годы¹.

Вторую группу памятников согдийского письма составляют настенные надписи из Афраснаба² и Пенджикента, надписи на монетах, металлических бытовых предметах, оружии и др. Сюда же можно отнести находки небольших надписей на обломках керамических сосудов (из Бухары, Самарканда — Афраснаба), а также надпись на деревянной дощечке (16×3,5 см) с 5 строками согдийского письма, найденную в 1975 г. на Афраснабе³. Кроме того, следует упомянуть многочисленные находки оттисков печатей на керамических сосудах из Еркургана, на которых в некоторых случаях сохранились слабые следы надписей согдийским письмом.

Важную серию составляют фрагменты согдийских рукописей в фондах Центрально-азиатского собрания рукописей ИВ АН СССР. Фонд этот начал складываться с первого десятилетия XX в. и уже в то время стал базой для широких исследований истории согдийцев, их языка и литературы.

¹ Согдийские документы с горы Муг. Вып. I: Описание, публикации и исследования документов с горы Муг. Подгот. А. А. Фрейман. М., 1962; вып. II: Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962; вып. III. Хозяйственные документы. Чтение, перевод и комментарии М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963.

² Прочтены В. А. Лившицем; сняты и хранятся в Институте археологии АН УзССР.

³ Дощечка хранится в Институте археологии АН УзССР.

В четыре коллекции согдийских фрагментарных рукописей входят: 1 фрагмент согдийского текста, найденный экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова в Центральную Азию в 1893—1895 гг.; фрагменты, приобретенные врачом российского консульства в г. Урумчи А. И. Кохановским; многочисленные фрагменты рукописей, собранные российским консулом в Урумчи Н. Н. Кротковым, и наконец, также фрагментарные согдийские рукописи, приобретенные в 1909—1910 и 1914—1915 гг., во время двух русских научных экспедиций в Центральную Азию во главе с крупным востоковедом С. Ф. Ольденбургом.

До сих пор эти памятники оставались практически вне поля зрения исследователей. Теперь они, наконец, опубликованы А. Н. Рагоза, посвятившей много лет кропотливому исследованию этих ценнейших согдийских текстов⁴.

Книга состоит из следующих разделов: предисловие, список сокращений, тексты (чтение и перевод), примечания, глоссарий, факсимиле текстов.

В предисловии кратко охарактеризована история научных открытий в Центральной Азии, в том числе находок дрезних рукописей согдийцев и других народностей. Излагается история образования коллекции согдийских рукописей в составе собрания Азиатского музея в Петербурге. Даются сведения о количественном составе коллекций, связанных с тем или иным собирателем. Характеризуется общее состояние сохранности фрагментов. Приводятся данные о первых публикациях некоторых фрагментов, в том числе автором этой книги⁵.

В разделе «Тексты (чтение, перевод)» тексты фрагментов сгруппированы по именам коллекционеров. Так, под заглавием «Коллекция А. И. Кохановского» описаны три фрагмента согдийских рукописей — два, выполненных самаркандским курсивным, и один — манихейским письмом, выработанным для нужд манихейских религиозных общин согдийцев. Из коллекции Н. Н. Кроткова публикуется 89 согдийских фрагментов, в том числе около 10 — манихейским письмом. Коллекция С. Ф. Ольденбурга обозначена №№ 93—119, с указанием шифров и инвентарных номеров хранения. Под № 120 представлен единственный в коллекции фрагмент манихейско-согдийского текста, связанный с В. И. Роборовским.

В примечаниях в сущности даны комментарии к чтению фрагментов, толкования отдельных слов. При этом приводится сравнительный материал из других изданий согдийских текстов и грамматических трудов по согдийскому языку.

Таким образом, даны толкования многих терминов, понятий буддизма, манихейства, названий мифологических существ, божеств, географических названий (порой легендарных), имен собственных и т. д. Кроме того, объясняются многие грамматические формы слов, трудно понимаемые места в текстах публикуемых фрагментов.

Особого внимания заслуживают поиски и установление соответствий согдийской передаче различных слов, относящихся к буддийскому и иным мировоззрениям. Подробное объяснение таких слов в примечаниях и глоссарии позволяет конкретнее представить формы и характер принятого согдийцами буддизма, которому, как и многим другим религиозным учениям, была присуща внутренняя борьба разных толков.

Глоссарий содержит составленный автором согдийско-русский словарь, куда входит около 900 слов. Каждое слово дается в виде основы, а затем следуют его грамматические формы с указанием фрагментов, где они засвидетельствованы. Глоссарий, таким образом, существенно пополняет известный ранее лексический материал согдийского языка и будет использован в составлении сводных лексикографических работ.

В разделе «Факсимиле текстов» дано около 160 фотографий всех публикуемых текстов, объединенных в 69 таблиц. Это позволяет проверять авторское чтение текста и еще глубже изучать уникальный материал согдийского фонда.

Книга А. Н. Рагоза существенно пополняет базу дальнейших исследований в области истории, филологии древних народов, в частности согдийского, игравшего большую роль в развитии торгово-экономических отношений народов Средней и Центральной Азии, взаимообогащении их культур в эпоху раннего средневековья, вплоть до X—XI вв.

М. Исхаков

⁴ Согдийские фрагменты Центрально-азиатского собрания Института востоковедения. Факсимиле. Издание текстов, чтение, перевод, предисловие, примечания и глоссарий А. Н. Рагоза. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1980, 183 с.

⁵ См. с. 8, прим. 19; с. 10, прим. 23.

ХРОНИКА

ПЕРВАЯ СОВЕТСКО-АФРИКАНСКАЯ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЗА МИР И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС»

13—17 октября 1981 г. в Москве состоялась первая советско-африканская научно-политическая конференция «За мир и социальный прогресс», организованная Институтом Африки АН СССР и Научным Советом по проблемам Африки АН СССР.

В ней участвовали представители общественных и научных организаций СССР и 25 стран Африки. В составе советской делегации были представлены три союзные республики — Украинская, Армянская и Узбекская ССР. От Узбекистана в конференции принимали участие член-корр. АН УзССР, директор Института истории партии при ЦК КПУз — Узбекского филиала ИМЛ при ЦК КПСС Х. Т. Турсунов, член-корр. АН УзССР, директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР М. М. Хайруллаев, проф. М. А. Ахмедова (ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина), доц. Т. С. Саттаров (востфак ТашГУ им. В. И. Ленина), канд. экон. наук М. Кампилова (Институт экономики АН УзССР) и канд. экон. наук Л. С. Зиядуллаева (Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР).

Участники конференции встретили аплодисментами приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, которое зачитал, открывая конференцию, вице-президент АН СССР, акад. П. Н. Федосеев.

На пленарном заседании были заслушаны доклады директора Института Африки АН СССР, члена-корр. АН СССР Ан. А. Громыко — «Внешнеполитический курс Советского Союза и Африка», заместителя председателя Госкомитета СССР по внешним экономическим связям П. Я. Кошелева — «Советско-африканское сотрудничество: итоги и перспективы», проф. Л. В. Гончарова — «Борьба за новый экономический порядок и страны Африки», члена ЦК партии Фрелимо Сержиу Рнейра (Мозамбик) — «Некоторые соображения о строительстве социализма в Африке», члена ЦК КОПТЭ (Комиссия по организации Партии трудящихся Эфиопии) Уорку Ферреда — «Пути решения аграрных проблем в свете эфиопского опыта», президента партии Конгресса независимости, вице-президента Политбюро Национального фронта защиты малгашской социалистической революции Риншара Андриаманжаго (Мадагаскар) — «Опыт Мадагаскара в борьбе за мир и социальный прогресс», экс-президента Нигерии, генерала О. Обасанжо — «Социальный процесс в Африке: вызов нашего времени», члена ЦК МПЛА — Партии труда Луи Пезаро (Ангола) — «Революционный процесс в Африке».

Дальнейшая работа конференции проходила по трем секциям: «Современная политическая обстановка в мире», «Советско-африканские отношения», «Проблемы экономического и социального развития». Всего было заслушано и обсуждено более 150 докладов и выступлений, посвященных широкому комплексу проблем развития современного национально-освободительного движения; внутреннего и международного положения различных стран Африки; борьбы их народов против империализма, неокOLONиализма, расизма, за мир, подлинную национальную независимость и социальный прогресс; развития всестороннего сотрудничества молодых африканских государств с СССР и другими социалистическими странами и т. д.

Особый интерес участников конференции из африканских стран, прежде всего тех, народы которых избрали путь социалистической ориентации, вызвал советский опыт решения национального вопроса и некапиталистического развития к социализму Узбекистана и других республик Советского Востока, освещенный в докладе члена-корр. АН УзССР, директора Института истории партии при ЦК КПУз Х. Т. Турсунова. Он ответил также на ряд вопросов делегатов Нигерии, Гвинеи-Бисау, касавшихся проблем социалистической индустриализации, формирования национальных кадров рабочего класса и др.

Итоги конференции подвел на заключительном пленарном заседании член-корр. АН СССР, директор Института Африки АН СССР Ан. А. Громыко. Он отметил, в частности, что широкое обсуждение актуальных проблем современного развития стран Африканского континента позволило участникам конференции полнее и глубже уяснить стоящие перед этими странами задачи, пути и перспективы их решения.

По инициативе делегаций африканских стран была принята специальная резолюция с выражением благодарности Президиуму АН СССР, Институту Африки АН СССР, Советскому правительству за организацию конференции и теплое гостеприимство. Решено созывать подобные форумы регулярно, раз в два года, поочередно в СССР и одной из африканских стран.

Л. С. Зиядуллаева

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

2—5 ноября 1981 г. в столице Индии Дели проходила международная конференция, посвященная 1000-летию со дня рождения великого среднеазиатского мыслителя Абу Али ибн Сины. Конференция была созвана по инициативе Национальной Академии Индии на средства ЮНЕСКО; основным организатором ее выступил Центр изучения науки, технологии и развития.

Вместе с индийскими специалистами в конференции приняли участие ученые более чем 15 стран (СССР, ГДР, США, Франция, Великобритания, Испания, Алжир, Ливия, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Иран, Австралия и др.). В составе советской делегации были Президент АН ТаджССР М. С. Асимов, работник УВО Президиума АН СССР В. И. Ткаченко и автор этих строк.

Конференция проходила в здании мемориального музея Дж. Неру. Открылась она приветственным адресом Президента Индийской Национальной Академии М. Г. К. Менона, а также вступительным словом вице-президента Индийской Национальной Академии Нурул Хасана. Дальнейшая работа конференции проходила в пяти секционных заседаниях.

Первая секция обсуждала общие вопросы вклада Ибн Сины в развитие науки. В частности, автор этих строк выступил с докладом «Трактаты и переписки Ибн Сины (Из фонда рукописей Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР)».

Работа второй секции была посвящена вкладу Ибн Сины в развитие философии и общественно-политической мысли средневековья.

Доклады, заслушанные в третьей секции, характеризовали вклад Ибн Сины в развитие физики, химии, науки о Земле.

Четвертая секция была посвящена роли Ибн Сины в разработке различных проблем медицины.

На пятой секции рассматривались биологические воззрения Ибн Сины. Работа двух последних секций проходила в Институте истории медицины и медицинских исследований. В этой связи там была организована весьма содержательная выставка материалов по истории изучения и издания «Канона медицинской науки» и других произведений Ибн Сины по медицине.

В шестой секции рассматривались вопросы художественного наследия Ибн Сины, его поэзии и прозы. Президент АН ТаджССР М. С. Асимов сделал, например, доклад «О повести Ибн Сины «Хайи ибн Якзан»».

Вне программы конференции советская делегация имела отдельные встречи с учеными различных стран; она была приглашена на прием к вице-президенту Индийской Национальной Академии Нурул Хасану, участвовала на приеме, устроенном Президентом ИНА М. Г. К. Меноном, присутствовала на просмотре танцевальных и музыкальных программ, составленных в связи с созывом конференции.

Участие в этом форуме позволило советским ученым укрепить контакты со своими коллегами из Индии и других стран.

* * *

7—12 ноября в Бомбее работал индийско-советский семинар по истории научных и технологических связей между Средней Азией и Индией в средневековый период. Для участия в нем прибыло еще 5 советских ученых: Ю. С. Воронков, А. И. Володарский, Г. В. Романовская (Институт истории науки и техники АН СССР), С. Х. Сираждинов (вице-президент АН УзССР) и Ю. Н. Нуралиев (АН ТаджССР).

Семинар проходил во вновь построенном здании Планетария им. Дж. Неру. В нем участвовали ученые из различных научных центров Индии. Всего в пяти секциях было сделано свыше 35 докладов.

В первой секции, посвященной основным путям, перспективам и методологии изучения проблемы, были заслушаны доклады двух индийских и двух советских ученых. В частности, в докладах проф. Абдурахмана (Индия) и М. С. Асимова (СССР) было уделено большое внимание задачам и перспективам развития индосоветских научных связей по изучению Средней Азии, некоторым методологическим проблемам исследований в этом направлении.

Автор этих строк посвятил свой доклад изучению истории средневековой науки Средней Азии и Индии в Советском Узбекистане, в том числе исследованию рукописей из фондов Института востоковедения АН УзССР.

Во второй секции, посвященной проблемам научных связей средневековой Индии и Средней Азии в области астрономии и математики, были заслушаны доклады С. Х. Сираждинова, А. Н. Володарского (СССР), Ш. Х. Абди, С. М. Р. Ансари и С. А. К. Гхори (Индия).

Третья секция была посвящена проблемам научных связей в области медицины. Здесь с докладами выступили: с советской стороны — Ю. Н. Нуралиев, с индийской — Г. Н. Чатурверди, Р. С. Синг, Рама Роу, Р. Л. Верма.

В четвертой секции рассматривались связи двух регионов в области ремесла, искусства и технологии. Были заслушаны доклады Ю. С. Воронкова, Г. В. Романовской (СССР) и индийских ученых — М. К. Пал, Н. К. Накви, А. П. Ямкедкар, Лотика Варадараян, М. Л. Нигам, И. Г. Хан и др.

Работа пятой секции была посвящена архитектуре. С докладами выступили индийские специалисты — М. П. Дешнанде и М. О. Джони и советский ученый В. И. Ткаченко. Был прочитан также текст интересного доклада Г. А. Пугаченковой (СССР).

Участники семинара приняли совместную Рекомендацию о задачах и перспективах дальнейшей работы по изучению истории взаимовлияний науки и культуры Индии и Средней Азии в средневековый период. Материалы семинара решено издать в четырех томах; по каждому из них определены ответственные редакторы с советской и индийской стороны. Среди них — акад. АН УзССР С. Х. Сираждинов, членкорр. АН УзССР Г. А. Пугаченкова и У. И. Каримов.

Рекомендовано начать широкое исследование истории взаимовлияний науки Средней Азии и Индии в средневековый период в целях создания совместных фундаментальных трудов с участием и специалистов республик Советской Средней Азии, особенно Узбекской и Таджикской ССР. В частности, основной координирующей базой и исполнителем этих исследований по Узбекистану определен Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.

Рекомендация предусматривает усиление обмена литературой и специалистами между Индией, Узбекской и Таджикской ССР. В документ включено также внесенное советской делегацией предложение о подготовке к 1200-летию со дня рождения

великого ученого Востока — Мухаммада ибн Мусы Хорезми, в трудах которого впервые на Ближнем и Среднем Востоке широко пропагандировались успехи индийской математики.

Документ констатирует необходимость систематического проведения совместных семинаров индийских и советских ученых по указанной проблеме поочередно в Индии и республиках Средней Азии. Очередной советско-индийский семинар решено провести в Узбекистане в 1983 г.

В целом как международная конференция, посвященная 1000-летию Абу Али ибн Сины в Дели, так и индо-советский семинар в Бомбее способствовали улучшению взаимопонимания по различным проблемам изучения истории средневековой науки между индийскими и советскими учеными; показали плодотворность и перспективность совместных обсуждений и дискуссий по методологическим аспектам этих проблем; создали возможность для решения ряда важных вопросов организации совместных исследований в данной области, способствовали установлению личных контактов между учеными Индии и СССР, особенно Узбекской и Таджикской ССР; показали растущий интерес индийских ученых к достижениям республик Средней Азии в области науки и культуры, к изучению исторического пути развития этих регионов в советский период. В этом мы убедились еще раз во время поездки в Кашмир, где имели встречи и беседы с руководством и профессорско-преподавательским составом Кашмирского университета. При университете открыт специальный музей Средней Азии, где представлены экспонаты, свидетельствующие о древних связях Кашмира и Средней Азии, о культурных и экономических достижениях советских среднеазиатских республик. Кроме того, в университете читается специальный курс лекций по истории Средней Азии. Планируется и организация специального курса по изучению узбекского языка.

Все это способствует укреплению научных и культурных связей между нашими странами, в которых активно участвуют и ученые Узбекистана.

М. М. Хайруллаев

К 60-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА «О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА»

В марте 1982 г. исполнилось 60 лет со времени выхода в свет произведения В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма». Этой дате была посвящена научно-теоретическая конференция, проведенная в Институте философии и права им. И. М. Мухомова АН УзССР 19 марта 1982 г. В ней приняли участие ученые и преподаватели ИФП АН УзССР, ТашГУ им. В. И. Ленина, ТашГПИ им. Низами и др.

Вступительным словом конференцию открыл директор ИФП АН УзССР, доктор филос. наук К. Х. Ханазаров, отметивший, что в настоящее время происходит дальнейшее укрепление и развитие завещанного В. И. Лениным союза философии и естествознания, который превратился в объективную закономерность развития советской науки в целом.

Участники конференции заслушали доклады доктора филос. наук Ж. Т. Туленова (ТашГПИ им. Низами) — «Некоторые вопросы формирования диалектического мышления в свете ленинских идей», докторки филос. наук К. И. Ивановой (ТашГУ им. В. И. Ленина) — «В. И. Ленин о союзе естествоиспытателей и философов», доктора филос. наук А. Ф. Файзуллаева (ИФП АН УзССР) — «О значении воинствующего материализма в развитии современной науки», канд. филос. наук М. М. Абдуллаевой (ИФП АН УзССР) — «Значение союза философии и естествознания в развитии методов познания», сообщения кандидатов филос. наук А. А. Файзинова — «Идея В. И. Ленина и роль комплексного подхода в современном научном познании», Р. М. Имамалиевой — «В. И. Ленин и некоторые вопросы современной физики», Н. Х. Эшметова — «Работа В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» — методологический комплекс для современной науки», И. С. Хашимовой — «В. И. Ленин о взаимодействии организма и среды», Р. Х. Аманбаевой — «В. И. Ленин о роли фактов в науке», а также м. н. с. Б. Р. Каримова — «Ленинская концепция единства диалектики, логики и теории познания» (все из ИФП АН УзССР). На конкретном материале они убедительно показали непреходящее значение ленинского завета о тесном творческом союзе философов и естествоиспытателей.

Р. Х. Аманбаева

МУНДАРИЖА

СССР ташкил этилганлигининг 60 йиллигига

А. Г. Батигин. Совет Ўзбекистонини экономикасининг СССР халқ хўжалиги ягона комплексига гуллаб яшнаши 3

«Правда» газетасининг 70 йиллигига

А. И. Акбаров. Иқтилобга қадар чиққан «Правда» газетаси саҳифаларида Туркистон 8

М. А. Баҳриддинова. ЎзССР саноати жойлашувининг асосий омиллари ва регионал хусусиятлари 15

Б. А. Миренский. Жиний сиёсат тушунчаси ва унинг баъзи формаларини реализация қилиш тўғрисида 20

Илмий ахборот

М. Султонов. ЎзССР саноат корхоналарида муқобил планларнинг қабул қилиниши ва реализация масалалари 28

Т. В. Гольянова. Улуғ Ватан уруши йилларида Ўзбекистонда мутахассислар тайёрлаш 31

И. Усмонов. XX аср бошларида Фарғона водийсида пахтачиликнинг ривожланиши тарихидан 35

Фан янгилликлари: изланишлар, кашфиётлар, топилмалар

Е. В. Зеймаль, Г. Вафоев. Зарафшон водийсидан топилган Деметрий тетрадрахмаси 38

Л. Г. Брусенко. Афросиёбдан топилган қанотли от обидаси 42

Историография

Н. Бердиев. Ўзбекистонда эстетик фикр тарихини ўрганишга доир (50—70-йилларда эълон қилинган материаллар обзори) 43

Янги китоблар

Н. И. Горлач. Совет халқи — янги тарихий бирликнинг тараққиёти 49

М. Исҳоқов. Сўғд қўлёмаларининг янги наشري 50

Хроника

Л. С. Зиёдуллаева. «Тинчлик ва социал тараққиёт учун» биринчи совет-африка илмий-сиёсий конференцияси 51

М. М. Хайруллаев. Совет-ҳинд илмий алоқалари 52

Р. Х. Омонбоева, В. И. Лениннинг «Курашчан материализмнинг аҳамияти тўғрисида» асари эълон қилинганлигининг 60 йиллигига 54

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-летию образования СССР

- А. Г. Батыгин. Расцвет экономики Советского Узбекистана в едином народно-хозяйственном комплексе СССР 3

К 70-летию газеты «Правда»

- А. И. Акбаров. Дореволюционная «Правда» о Туркестане 8
- М. А. Бахретдинова. Основные факторы и региональные особенности размещения промышленности УзССР 15
- Б. А. Миренский. О понятии уголовной политики и некоторых формах ее реализации 20

Научные сообщения

- М. Султанов. Принятие и реализация встречных плечов на промышленных предприятиях УзССР 28
- Т. В. Гольянова. Подготовка специалистов в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны 31
- И. Усманов. Из истории развития хлопководства в Ферганской долине в начале XX века 35

Новое в науке: поиски, открытия, находки

- Е. В. Зеймаль, Г. Вафаев. Тетрадрахма Деметрия из долины Зарафшана 38
- Л. Г. Брусенко. Крылатый конь с Афрасиаба 42

Историография

- Н. Бердиев. К изучению истории эстетической мысли в Узбекистане (Обзор публикаций 50—70-х годов) 43

Новые книги

- Н. И. Горлач. Развитие советского народа — новой исторической общности 49
- М. Исхаков. Новая публикация согдийских рукописей 50

Хроника

- Л. С. Зиядуллаева. Первая советско-африканская научно-политическая конференция «За мир и социальный прогресс» 51
- М. М. Хайруллаев. Советско-индийские научные связи 52
- Р. Х. Аманбаева. К 60-летию выхода в свет работы В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» 54

НАШИ АВТОРЫ

- Хайруллаев М. М.**— член-корреспондент АН УзССР, директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Батыгин А. Г.**— доктор экономических наук, зав. сектором территориально-производственных комплексов СОПС АН УзССР.
- Горлач Н. И.**— доктор исторических наук, профессор (Харьков).
- Акбаров А. И.**— кандидат исторических наук, начальник Управления преподавания общественных наук МВССО УзССР.
- Аманбаева Р. Х.**— кандидат философских наук, ст. научный сотрудник Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Бахретдинова М. А.**— кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник Института экономики АН УзССР.
- Гольянова Т. В.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Зеймаль Е. В.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Государственного Эрмитажа.
- Зиядуллаева Л. С.**— кандидат экономических наук, мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Исхаков М.**— кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР.
- Миренский Б. А.**— кандидат юридических наук, ст. научный сотрудник Ташкентской высшей школы МВД СССР.
- Бердиев Н.**— преподаватель кафедры философии и научного коммунизма Термезского госпединститута.
- Брусенко Л. Г.**— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Вафаев Г.**— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Султанов М.**— преподаватель кафедры истории Андижанского госпединститута.
- Усманов И.**— ст. преподаватель кафедры истории Ферганского госпединститута

Цена 65 к.

Индекс
75349